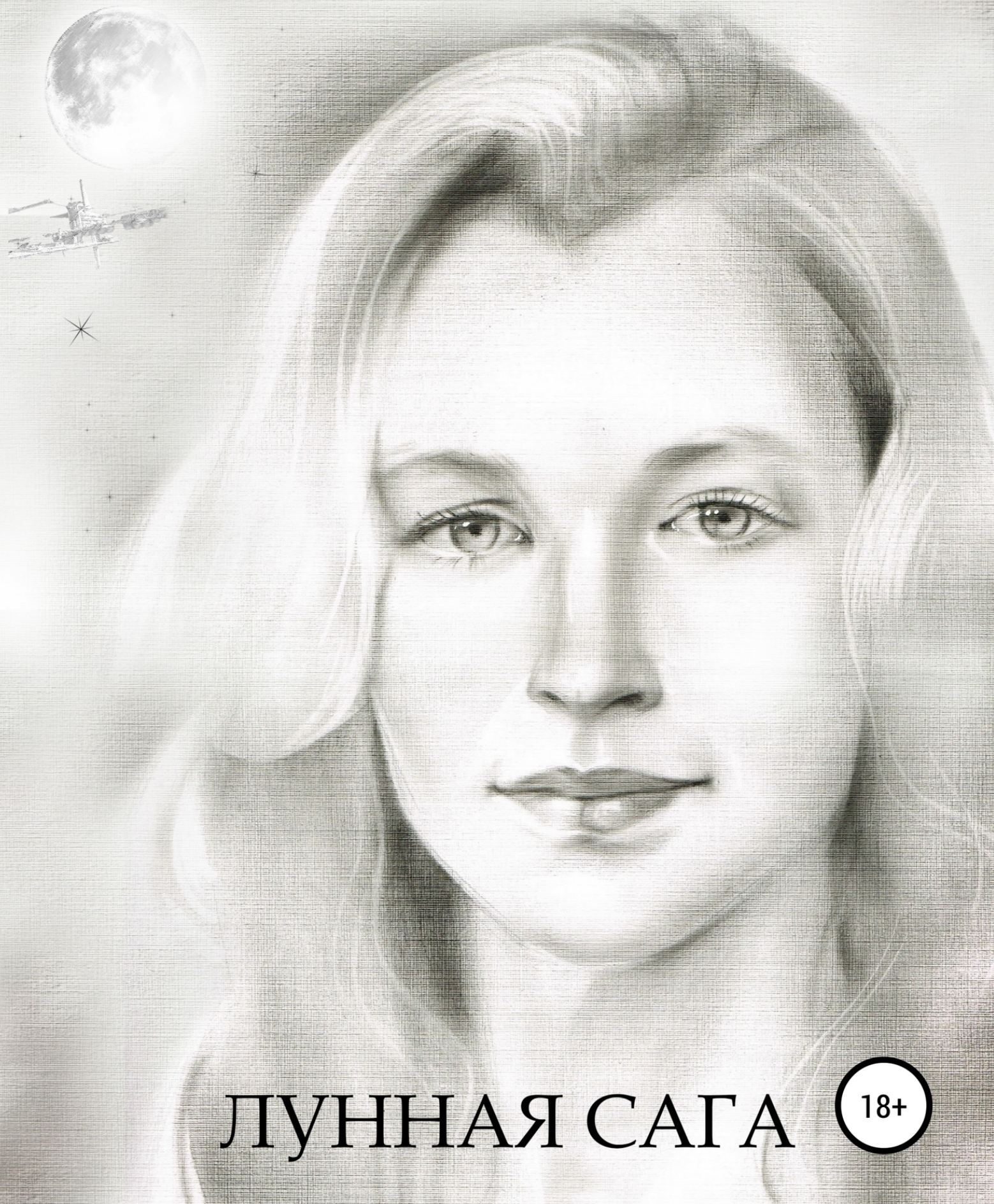


Валериан Телёбин

КОРОНА ВЕТРОВ



ЛУННАЯ САГА

18+

Валериан Телёбин
Корона Ветров. Лунная сага

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Телёбин В.

Корона Ветров. Лунная сага / В. Телёбин — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

В новое издание вошло сразу три части саги "Корона Ветров". Теперь вы узнаете всё. Пришло время раскрыть секреты и рассказать о событиях, свидетелем которых мне довелось стать. Эта история началась в декабре 2121 года и не закончилась до сих пор. Действие разворачивается на Луне в период её активной колонизации. Невероятные амбиции отдельных персонажей способны привести общество высоких технологий на грань планетарной катастрофы и, возможно, даже заставить мир переступить через эту грань. Череда трагических обстоятельств и чужая злая воля создают непреодолимые препятствия на пути главных героев, и теперь для того, чтобы спасти свой мир от разрушения, или хотя бы просто уцелеть, у них остаётся лишь один путь – война.

Содержание

Книга первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валериан Телёбин

Корона Ветров. Лунная сага

Книга первая Космофлот Федерации

*Я скитаюсь, как Солнечный ветер
в межзвёздном пространстве,
заплетая в гирлянды созвездий
чужие миры...*

Первый день новолуния. Огромный диск Вечного светила опустился за горизонт и погрузил поверхность Луны в непроглядную галактическую ночь.

Кто мог знать, что события именно этого дня – первого дня новолуния 12 декабря 2121 года, станут решающими в длинной цепи обстоятельств, что приведут в итоге к катастрофе, масштаба которой не мог себе представить никто – ни одно из живущих ныне разумных существ... Нет, такая катастрофа вообще была немыслима последние пару миллионов лет. И это обстоятельство делало данное событие уникальным даже в масштабах галактики.

Исследовательский корабль «Чёрная Стрела» вёл спектральную георазведку на небольшом объекте на самом краю Моря Дождей. С нуля часов по GMT (Global Moon Time) на ходовую вахту заступил старпом Тулома Дружинин.

– Как обстановка, Умарчик? – бодро поинтересовался Тулома, адресуя свой вопрос второму пилоту Умару Санжиеву, сдающему вахту.

– Да всё как обычно: метеоритная опасность низкая, не более пяти процентов; других кораблей поблизости не наблюдается; в работе оба гравитационных генератора; запас мощности – 300 Гэр; видимость...

– Тулома Кетанович, рекомендую произвести стандартную процедуру передачи ходовой вахты! – нежно пропел навигационный компьютер красивым женским голосом.

– Стандартную процедуру отклонил, спасибо, Маша, – чётко произнёс Тулома, обращаясь к носительнице искусственного интеллекта, незаменимой помощнице любого штурмана Машине.

– ...Видимость падает пропорционально снижению освещённости, – продолжил Умар, – Солнце минус шесть градусов от линии горизонта – на Земле это называется «навигационные сумерки»...

– Да, на Земле... – задумчиво произнёс Тулома и запрокинул голову. Над ним сквозь прозрачный купол штурманского мостика огромным бледно-голубым диском сияла совсем близкая и вместе с тем бесконечно далёкая Земля. Её свет нёс в себе удивительное, ни с чем не сравнимое тепло жизни. Крошечный островок в бесконечном множестве миров. Дом. Там был их дом. И об этом они помнили всегда. Каждую минуту, каждую секунду своей жизни, пока находились здесь, в такой немыслимой дали от него...

– Вахту принял, – твёрдо произнёс старпом, одновременно прерывая как ход своих мыслей, так и не в меру пространственные пояснения Умара.

– Фиксирую в бортовом журнале, – тихо пропел голос Маши, – спокойной вахты.

– Да, спокойной вахты... Кстати, сегодня последняя зеркальная дата в этом тысячелетии, – произнёс Умар и направился к выходу. В тот момент, когда он уже открыл переходной люк в центральный отсек, сработала сигнализация.

– Внимание! Произошло повреждение сейсмокабеля. Аварийной партии готовность пять минут. Командир Аварийной партии – старший помощник Тулома Дружинин. Состав АП: главный оператор сейсмостанции Евгений Аппель, гравиметрист Андрей Гримайло и оператор сейсмоисточников Трувор Ольсен, – ровным металлическим голосом произнесла обычно чересчур добродушная Маша.

За то время пока Машина перечисляла состав АП, Тулома успел наполовину надеть скафандр и, придав своему лицу смешливо-страдальческое выражение, произнёс:

– Вахту сдал второму пилоту.

Умар, словно обретя второе дыхание, бодро отчеканил:

– Вахту принял.

– Зафиксировано, – подтвердила спокойно Маша, – Тулома, можете принимать командование Аварийной партией.

– Есть, – выдохнул уже почти полностью облачённый в скафандр штурман.

– Командир на мостике, – бодро отрапортовала Машина, когда открылся переходной люк и в рубку вошёл Кэп. Немолодой, почти под пятьдесят, огромного, под два метра, роста, капитан был довольно подтянут, но при этом не выглядел строгим. Между тем штурманá рядом с ним казались совсем мальчишками, хотя каждый из них по отдельности был прекрасным спортсменом и имел весьма крепкое телосложение. И, несмотря на это, даже в своём лёгком скафандре Тулома сильно уступал в габаритах командиру.

– Второй раз за три недели, – тихо произнёс Кэп мягким приятным голосом деликатного и весьма дружелюбного человека, – это уже начинает входить в привычку. Возьмите-ка с собой несколько резервных элементов регенерации, пусть ребята осмотрят всё хорошенько за пределами повреждённого участка, – добавил он, обращаясь уже к одному только Туломе. В тот момент он и предположить не мог, какие последствия будет иметь это его распоряжение.

Гравиплан отстыковался от Чёрной стрелы и, на пару секунд задержавшись над линией горизонта, нырнул вглубь сумрачного каньона. Лучи курсовых прожекторов стремительно скользили по неровной поверхности, выхватывая из вечной тени удивительно однообразные нагромождения скал, чередующиеся с редкими клочками относительно ровного дна кратера.

– Внимание, приближаемся к повреждённому участку. Прошу снизить скорость, – пробасил на ломаном английском здоровяк Трувор, глядя на свои мониторы.

– Снижаем скорость до минимальной, – отозвался Тулома, плавно сбрасывая горизонтальную тягу.

Спустя примерно полторы минуты гравиплан завис над повреждённым участком. Пока сеймики пытались определить характер повреждений, Тулома присмотрел поблизости относительно ровную площадку и, как только замеры были закончены, посадил туда аппарат. Все члены АП надели шлемы и включились в дыхательные аппараты, после чего Дружинин разгерметизировал переходной шлюз и открыл внешний люк. Трое сеймиков привычно выбрались наружу, и лишь Тулома остался в кресле пилота. По протоколу он должен был координировать действия членов АП с поста управления, и пока причин нарушить протокол явно не предвиделось.

Через полчаса напряжённой работы все повреждения были устранены, и команде оставалось только протестировать оборудование с резервного поста управления сейсмостанцией. Трувор Ольсен забрался в гравиплан в то время, как двое других сеймиков остались снаружи контролировать процесс и, если что, устранить выявленные неполадки... И в этот момент раздался взрыв...

Почти сразу после отстыковки гравиплана от Чёрной стрелы командир покинул мостик, распорядившись вызвать его в случае возникновения внештатной ситуации. В остальном он привычно полагался на своих вахтенных помощников.

Умар наблюдал за движением гравиплана на 3D-мониторе, изредка поглядывая на огромный бледно-голубой диск родной планеты. Перед его внутренним взором неспешно плыли монументально статичные кучевые облака с резко очерченными контурами. Величественные облака медленно наливались глубокой синевой, превращаясь в хмурые дождевые тучи. Начиная раздуваться ветер. Он холодил щёку и пытался уложить непослушные волосы на голове Умара на другую сторону. Штурман поправил их и ощутил первые капли дождя на щеке...

*Западный ветер
разгладил небритую щёку,
Западный ветер
настроен хранить тишину,
Он не расскажет,
насколько ему одиноко,
Только завоет в снастях,
раздувая волну...*

– размеренным шёпотом произнёс Умар.

Непривычно-взволнованный голос Маши вернул штурмана обратно в ходовую рубку:

– На связи командир Российской лунной базы Андроник Астраханов.

– Переключи на каюту капитана, – бодро произнёс штурман, стараясь скрыть лёгкое удивление от внезапного звонка столь высокой персоны.

– Он желает говорить с вами. Не с капитаном, – ответила Маша каким-то странным голосом.

– Хорошо, выведи на главный трид (сленговое название 3D-монитора), – на этот раз уже более твёрдо произнёс Умар, сидя в кресле пилота, и, повернувшись к главному монитору, выпрямил спину и малость расправил плечи.

На триде появилось объёмное изображение крупного краснолицего мужчины средних лет с реденькой седой шевелюрой на слегка угловатой голове.

– Здравствуй, Умар Джанибекович. Очень хорошо, что ты ещё не сменился с ходовой вахты. Помнишь наш разговор на базе месяц назад, перед самым вашим вылетом? Знаю, что помнишь. Так вот... – Умар пока только кивнул в ответ, чуть слышно произнеся: «Здравствуйте, Андроник Аликперович». Между тем Астраханов продолжал: – Так вот, после сделанной нами многотрудной работы к нам примкнули командиры ещё восьми станций. Четверо обещали сохранять нейтралитет, и только двое из пятнадцати могут выступить против – это британцы и Франко-германское содружество. Несмотря на это, время пришло, и в 04 часа по GMT мы объявим о политической независимости от наших метрополий и создании Содружества Независимых Лунных Станций. Нами уже сформирован кабинет министров и определены первые шаги нового правительства. Первейший среди них – это подача заявки в ООН о признании Содружества самостоятельным субъектом трансгалактической политики и предоставлении нашему представителю места в Совете трансгалактической безопасности. Но сейчас самая главная задача – сохранить в тайне все наши приготовления до означенного часа, а также, что немаловажно, пресечь любые попытки противодействия нашим планам со стороны отдельных сотрудников станции и недалёковидных членов экипажей кораблей Космофлота Федерации. Мы не вправе потерять ни одного корабля! Скажи, сколько наших сторонников у тебя на борту? – закончил Астраханов.

– Практически все, кроме капитана, старшего помощника и пары человек из научной партии, – осторожно произнёс штурман. Умар немножко лукавил. Он не пытался склонить кэпа на сторону заговорщиков, надеясь на его отстранение в час икс. Это давало ему возможность занять пост командира звездолёта. Пусть всего на несколько дней или даже часов, но это навсегда отразится в его послужном списке. Командир звездолёта Чёрная Стрела Умар Джанибекович Санжиев – это словосочетание ласкало слух и тешило самолюбие честолюбивого горца.

– Умар Джанибекович! – тревожно прошептала Маша в левый наушник. – Они пытаются обойти нашу защиту!

– Ты же понимаешь, Умарчик, что сейчас любая утечка или неповиновение ставят под сомнение успех всей операции и мы должны быть готовы на самые жёсткие превентивные меры. Кстати, прямо сейчас наши специалисты обходят вашу защиту, и буквально через несколько секунд мы будем полностью контролировать ваш корабль.

– В этом нет необходимости, Андроник Аликперович. Мы на вашей стороне, – спокойно произнёс Умар.

– Я знаю, Умарчик. Я доверяю тебе не меньше, чем когда-то доверял твоему отцу – моему лучшему другу, но есть общий план мероприятий, и мы обязаны его придерживаться, – примирительно произнёс Астраханов.

– Разгерметизация центрального отсека, аварийная блокировка всех дверей, герметизация внутренних помещений, – зазвучал металлический голос Маши по внутрикорабельной трансляции.

– Мы сымитировали разгерметизацию центрального отсека, дорогой. Не волнуйся, это для твоей же пользы, – вкрадчиво произнёс Астраханов, наклоняясь ближе к монитору.

– Разблокировка внутренних помещений невозможна в течение тридцати минут, – произнесла Маша слегка удивлённо, после чего добавила шёпотом в левый наушник, – нам заблокировали все линии связи, кроме системы оповещения о бедствии.

– Все линии связи мы тоже временно заблокировали. У тебя будет ровно полчаса, чтобы решить, кто именно на твоей стороне, а чьи каюты так и останутся заблокированными до вашего возвращения на базу, – добавил Астраханов, как бы не обращая внимания на голос Машины по внутрикорабельной трансляции.

– В таком случае у нас проблема, Андроник Аликперович! У нас сейчас гравиплан работает на повреждении сейсмокабеля. Там четыре человека. Из них трое нас точно не поддержат. Особенно старпом.

– Да, действительно, сейчас вижу: гравиплан работает в каньоне. Командир АП Тулома Дружинин? Женат, две дочки, живут в Крыму.... Этот, да? Помню его... Этот точно не поддержит. Надо принять меры, Умар. Ты меня понимаешь? Любые необходимые меры, чтобы предотвратить утечку и обезопасить себя от попыток противодействия нашим планам. Решение за тобой. Но я очень надеюсь, что ты себе отчётливо представляешь, что стоит на кону... И что грозит нам в случае неудачи?! – закончил Астраханов, вытирая тыльной частью ладони пот со лба. И после небольшой паузы добавил: – Машина, занесите в протокол: с этой минуты командование звездолётом Чёрная Стрела принимает на себя Умар Джанибекович Санжиев. Капитан Санжиев, у вас есть тридцать минут на то, чтобы решить проблему с аварийной партией. Об исполнении доложить немедленно. Затем ложитесь на обратный курс... Ты мне нужен здесь, дорогой. Поторопись, у нас на тебя большие планы, – последние слова Астраханов произнёс настолько проникновенно и многообещающе, что Умар тут же отбросил последние сомнения и заверил командира базы в своей безграничной преданности.

Астраханов отключился, а Умар продолжал сидеть в кресле пилота неподвижно, собираясь с мыслями и стараясь свыкнуться с внезапно навалившейся на него новой реальностью. Первой тишину прервала Маша:

– Простите, капитан Санжиев, прежний командир корабля просит разрешения с вами поговорить.

Голос Машины показался Умару чересчур холодным и отстранённым, и он ответил таким же тоном:

– Не сейчас. Рассчитай маршрут возвращения на Базу и заведи в роуттрек.

– А как же аварийная партия? У них кислорода осталось часов на шесть, не больше! – воскликнула Маша.

– Сейчас решим и эту проблему, – произнёс Умар задумчиво и тут же спросил, – сколько у нас на борту сейсмозарядов на данный момент?

– Сто девятнадцать стандартных и восемь усиленных, – ответила Машина.

– Подготовить к сбросу два усиленных сейсмозаряда, – скомандовал Умар, выводя на главный трид навигационные параметры гравиплана, – ввожу координаты точки подрыва, – произнёс он спустя несколько секунд.

– Но в этой точке находится гравиплан и работает аварийная партия! – воскликнула Маша испуганным голосом.

– Время выхода на точку сброса? – твёрдо спросил Умар, как бы не замечая возгласов Машины.

– Девяносто четыре секунды, – оторопело произнесла та в ответ.

– Обратный отсчёт за десять секунд до сброса, – продолжал Санжиев.

– Это бесчеловечно! Они же ваши товарищи! Друзья! Я не могу этого сделать! – страдальческим женским голосом выкрикнула Машина.

– Протокол обязывает тебя подчиняться командиру корабля беспрекословно, – произнёс Умар, полностью переводя управление в ручной режим. Маша всё поняла. И мотивы, и последствия и в оставшиеся несколько десятков секунд лихорадочно пыталась найти выход, разрываясь между священным долгом подчинения, заложенным в программе, и желанием спасти тех, к кому она уже так привязалась за эти несколько месяцев. Она беспрестанно повторяла фразу: «Ненужно этого делать, Умар Джанибекович», но сама уже решила, как поступит. В последние десять секунд перед точкой сброса Машина попыталась перехватить управление кораблём, но Умар словно ждал этого и тут же заблокировал её вмешательство, но всё-таки корабль слегка дёрнуло вправо, и система сброса сработала с малюсенькой задержкой. «Может быть, у ребят появится хотя бы крошечный шанс?» – утешала она сама себя... Сброс произошёл, и на главном триде появилась картинка ужасного взрыва ровно в том месте, где за секунду до этого был гравиплан аварийной партии. Санжиев начал разворот.

– Сейчас просканируем во всех режимах, – произнёс он с азартом игрока в покер и глянул на обнулившиеся данные мониторов контроля жизнедеятельности членов АП, – ну что ж, все цели поражены, гравиплан разрушен. Курс на Российскую лунную базу. Там тебя как следует отформатируют за неподчинение и отказ выполнять приказы, – добавил он с усмешкой, обращаясь к замолкнувшей Машине. Но Машу это уже не беспокоило, она горевала по погибшим ребятам и еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться в голос.

* * *

*Я в плену миражей,
я в плену колдовства расстояний
нежной зыбкости
гибельных омутов Лунных дорог,
в переливах отчаянных всплесков
Полярных Сияний*

*заполняю походный журнал,
как всегда, между строк...*

Тулома расправил огромные крылья и взмыл вверх, туда, где печальное небо было затянуто сплошным одеялом хмурых свинцовых туч серо-стального цвета. Едва коснувшись облаков, он оказался в густом непроглядном тумане и, сложив крылья, кинулся вниз, пикируя, словно бомбардировщик. Под ним бушевали огромные волны Полярного океана. Угрюмые холодные валы вскипали на гребнях стеклянной пеной. У самой поверхности вновь расправив крылья, он стал гасить скорость, ощущая на своём лице капельки солёных брызг, принесённых игольчатым ветром. Тулома повторял это раз за разом – взмывал ввысь и вновь бросался вниз, к самой поверхности океана, бесконечно наслаждаясь упоительным ощущением полёта, мощными порывами ветра и влажным ледяным дыханием бушующего океана. Ветер был упруг и весел. Он наполнял его крылья, проникал в него, и уже сам он стал его частью, воплощением его бесшабашности и озорства. Океан завораживал своей безграничной мощью, и его свирепый рёв, соединяясь с сумасшедшей мелодией ветра и печальными вздохами нахмуренных туч, сливался в восхитительно прекрасную оглушительную симфонию, наполнявшую душу Туломы музыкой изумительной красоты и величия.

Оказывается, научиться летать – это же так просто. Надо всего только простить всех, кто когда-то причинял вам боль и страдания. Но сделать это не из великодушия, а из любви к ним. И самому себе простить все ошибки, нерешительность и сомнения. И тогда душа ваша станет легче пёрышка и, подхваченная солнечным ветром, взмлет ввысь, наслаждаясь упоением безграничной свободы.

Вскоре Тулома заметил на горизонте узкую тёмную полосу берега и устремился к нему. По мере приближения во мраке полярной ночи стали хорошо различимы грозные зубья обточенных ледяными ветрами прибрежных скал. В глубине фиорда окружённая со всех сторон угрюмыми стенами огромных скалистых утёсов лежала маленькая деревушка. В широких окнах прелестных домиков с красными крышами уютно горел свет. Из печных труб вился лёгкий сизый дымок, распространяя вокруг завораживающе сладкий запах берёзовых дров. Тулома подлетел к большому окну одиноко стоявшего на окраине домика и, заглянув в него, увидел очаровательную рыжеволосую девушку, сидящую на диване. Кажется, она читала книгу. В тот же миг, как Тулома взглянул на неё, она повернула голову и посмотрела на него. У неё были зелёные глаза. Хрустально-зелёные, словно горное озеро в июле. Он смотрел и не мог наглядеться, а тем временем в её зрачках вспыхивали маленькие искорки, похожие на отблески далёкой грозы. Казалось, что и она тоже его видит. Но как? Ведь это невозможно!

Всё, пора возвращаться на корабль. Скоро начнётся его вахта. А ему ещё нужно прийти в себя... В буквальном смысле.

Душа медленно возвращалась в оставленное тело. Сознание пыталось восстановить управление, но чуждое, словно одеревеневшее тело сначала никак не реагировало. Лёгкая тревога грозила перерасти в тихую панику... Но, в конце концов, не в первый же раз! Все усилия Туломы были сконцентрированы на том, чтобы попытаться пошевелить хотя бы кончиками пальцев... Нет, не выходит. Так, ладно, тело дышит. Надо попытаться издать какой-нибудь звук:

– Дружинин, очнись! – заорал Тулома что есть мочи.

Ничего. Тишина. Тело безмолвствовало. Он кричал, но почти не слышал собственного голоса. Словно находился под водой. «И что же это? Ни рай, ни ад. Застрять здесь – в мире духов? Навеки потерять тех, кого любишь, кто тебе бесконечно дорог? Нет!»

– Проснись!!! – снова заорал он. И тут тело застонало и замычало, издавая нечто, похожее на «и-и-ы-ы-ы».

«Громче! Ещё!.. Есть!» – тело услышало собственный стон, и тут же внутри словно стали включаться электрические цепи. Сознание до головокружения стремительно возвращалось в мозг. «Да! Всё! Очнулся! Слава Богу!»

Он лежал весь взмокший, опустошённый, на упругом матрасе в своей каюте. Корабль плавно покачивался на волнах, а в его тело медленно, с удивительно приятным теплом возвращалась жизнь. Тулома открыл глаза. Часы, висевшие на переборке напротив, показывали без пятнадцати полночь. «Надо вставать. Успеть умыться и почистить зубы. Времени в обрез».

Итак, Тулома Дружинин – второй штурман рыболовного траулера «Принцесса Арктики», временно исполняющий обязанности старшего помощника капитана. Уже почти три недели «Принцесса Арктики» носилась по северным морям в поисках подходящего района для промысла трески. Пробные траления пока не давали удовлетворительных результатов, и команда всё ещё продолжала поиск. Погода тем временем заметно испортилась. Что поделаешь – начало сентября, близился сезон осенних штормов. Но, честно говоря, Тулома всегда недолюбливал слишком спокойное море. И не только из-за того, что во время качки засыпать намного приятнее, чем в штилевую погоду. Словно тебя убаюкивают в люльке. Нет, не только из-за этого. Хороший шторм всегда приводил его в восторг. Но, несмотря на непогоду, траулер продолжал следовать в район острова Медвежий, чтобы там попытаться рыбацкого счастья. Вдруг повезёт. Дошли только к вечеру следующих суток и уже через шесть часов подняли первый трал. Как обычно, всё веселье пришлось на вахту Дружинина.

– Судя по нагрузке, тонн десять – не меньше! – полушутя-полусерьёзно произнёс Тулома, обращаясь к рыбмастеру, стоявшему на рычагах управления траловыми лебёдками, расположенными в кормовой части ходовой рубки.

– Да хоть бы пять – уже хорошо... Впрочем, вскрытие покажет, – отозвался рыбмастер и, наскоро оглянувшись, добавил:

– Главное, чтобы кэп не припёрся. Может, тогда пойдёт рыбалка – у тебя-то рука лёгкая.

– Да брось, Игорёк! Ну, перенервничал человек, сорвался на матросов... С кем не бывает, – несколько смущённо возразил Тулома рыбмастеру, всё же интонацией давая ему понять, что принимает его бесхитростную похвалу.

– Ты, Кетанович, просто ещё мало его знаешь... Он всегда такой. Словно фельдфебель в царской армии – на простых работах орёт почём зря. Только с офицерами более-менее сдержан... Ладно, хрен с ним, сбавь ход ещё на пол-узла – траловый мешок к слипу подходит.

Тулома сбавил ход до минимального и невольно задумался: ещё на берегу, в Отделе флота, он слышал очень нелестные отзывы об этом капитане и даже советы попроситься на какое-нибудь другое судно. Но Дружинин, искренне надеясь на свой весьма уравновешенный характер, к этим советам не прислушался. Хотя дальнейшие события показали, что он совершенно напрасно этого не сделал. Но обо всём по порядку.

Всё началось ровно шесть лет назад. Тогда, осенью 1987 года, в Мурманск с рабочим визитом прибыл первый и последний Президент СССР Михаил Горбачёв. И в один из пасмурных дней октября их – курсантов первого курса Мурманской морской академии – направили в оцепление вокруг здания АМНГР, в котором Президент проводил рабочее совещание. Курсанты тем временем зябли в томительном ожидании, затянувшимся аж на полтора часа. Одновременно с этим на площадь перед зданием всё прибывал и прибывал народ. Горожане, прознав про то, что Михаил Сергеевич сейчас находится здесь, толпились с внешней стороны оцепления в надежде воочию узреть нового правителя одной шестой части суши. Курсантам становилось всё труднее их сдерживать. В чёрных бушлатах, сцепившись локтями, цепь колыхалась под напором нетерпеливых горожан каждый раз, когда из дверей здания кто-нибудь выходил. Но пока это были лишь работники здания. Ребята с трудом представляли, как будут сдерживать напор толпы, учитывая, что взвод Дружинина оказался в аккурат возле главного входа.

Ожидание длилось долго. Но, в конце концов, двери отворились, и из здания вышел Президент в сопровождении первой леди. Пройдя несколько метров, правящая чета оказалась прямо напротив Туломы и его товарищей. Всего в нескольких шагах от них. Горожане, довольно равномерно толпившиеся вдоль всего оцепления, увидев, куда направился Горбачёв, ринулись к этому же месту. Позади оцепления возникла давка, и Тулому с ребятами словно подхватило волной и понесло навстречу Президенту и его окружению. К чести курсантов нужно сказать, что цепь они не разомкнули и оцепление не было прорвано. В то же время от президентской свиты отделились несколько здоровенных дядек в неброской одежде и кинулись курсантам на подмогу, удержав дальнейшее движение людской массы и самой цепи. В итоге вышло так, что Президент оказался в каких-нибудь двух метрах от Туломы. Но не прямо напротив, напротив него стояла Раиса Максимовна Горбачёва. Практически на расстоянии вытянутой руки от Дружинина.

Тулома никогда особо не считал себя красавчиком – не слишком высокого роста, широкат в плечах и в то же время в строгой морской форме, с заливчатски весёлым выражением лица и с кучерявым чубчиком пшеничного цвета, непослушно выбившимся из-под новенькой фуражки. Выглядел он весьма браво. Тем более что лишь неделю назад его рота вернулась из Тюва-губы, где курсанты прошли курс молодого бойца и уже научились с гордостью носить морскую форму.

В своих выступлениях Михаил Горбачёв всегда говорил очень пространно и маловыразительно. Что по телевизору, что, как выяснилось, и при живом общении. Его речь, вероятно, имела свою внутреннюю логику, а доводы могли казаться довольно рациональными, но вот риторика всегда была на двойку... С плюсом. Буквально через несколько минут люди начинали скучать, с трудом сдерживая зевету. Настолько его речь была блёклой и безынтересной. Что говорить, зажечь толпу он не умел. При этом он всегда говорил долго. Очень. Часами! И этот раз не стал исключением. Президент говорил без умолку более полутора часов. По крайней мере Туломе так показалось. Хорошо хоть, что мёрзнуть ребята перестали – нахлынувшая сзади толпа их ещё и согревала. Из всей пространной речи Президента Туломе запомнился лишь один его короткий диалог с каким-то работягой из толпы:

– Михаил Сергеевич, вот скажите, водка в магазинах подорожала чуть ли не в два раза. Как нам дальше-то жить с такими ценами? – робко произнёс немолодой мужчина голосом с трудно скрываемыми нотками обиды.

– А вы не пейте! – бодро ответил Президент.

– Как так? Совсем не пить? – изумился мужчина. В толпе послышался ропот.

– Ну, по праздникам можно, конечно, выпить рюмочку коньяка. Но не больше, – поправился Горбачёв.

– Ну а как же, если я, к примеру, всю неделю в порту на башенном кране рыбу выгружаю, и зимой, и летом, и в снег, и в дождь. Так я ещё в кабине, а ребята стропальщики да кто на погрузчиках работает и в мороз, и в ветер, и как нам после этого не выпить по бутылочке? – не сдавался русский мужик. Но Михаил Сергеевич продолжал настаивать на своём, рассказывая и о вреде алкоголя, и о культурном времяпрепровождении. Но было это уже не интересно. Ни Туломе, ни всем остальным. Странное дело, Тулома в свои семнадцать был уже КМС-ом по самбо и противником любого алкоголя, но даже он прекрасно понимал, что повышение цены на водку скажется лишь на семейных бюджетах граждан, но уж никак не на их привязанности к спиртному. И, вероятно, схожие мысли приходили в головы тех, кто стоял позади оцепления. В дальнейшем слова Президента вызывали в них лишь апатию и плохо скрываемое раздражение.

Тем временем Тулома, чтобы не заскучать, принялся разглядывать стоящую напротив него первую леди. Конечно же, он делал это не так прямолинейно, как привык, а как бы исподволь и невзначай. Тем не менее рассмотрел он её очень внимательно: в коротком каракулевом пальтишке, акkuratно подчёркивавшем её изящную фигурку, в чёрных туфлях на невысоком

каблуке и чулках телесного цвета, на стройных ножках, она выглядела весьма элегантно. Но, конечно же, больше всего взгляд притягивали её красивые карие глаза с аккуратно подведёнными стрелками бровей над ними. Она почти не выглядела уставшей и держалась очень непринуждённо, хотя за всё это время сказала не больше двух-трёх слов.

Спустя какое-то время она начала реагировать на взгляды Туломы. А он, если честно, просто ею любовался, стараясь не подать виду, но и не особо стесняясь, когда они первые несколько раз встретились взглядами. Сначала мельком и как бы случайно, но потом всё больше задерживаясь друг на друге. И в какой-то момент Тулома осознал, что они вдруг оказались в каком-то, словно изолированном от всех остальных, мире – Президент бы погружён в собственные размышления вслух, охрана наблюдала за собравшимися, а граждане, словно загипнотизированные, смотрели на оратора. А Дружинин и Раиса Максимовна будто оказались в мёртвой зоне. Спустя ещё какое-то время Тулома уже без труда определял в её взгляде интерес. Её усталость словно улетучилась, да и он уже забыл о том, что стоит здесь уже больше двух часов на одном месте, тесно сцепившись локтями со своими товарищами. И вот уже на её лице несколько раз промелькнула лёгкая тень улыбки при взгляде на Дружинина. Еле уловимо, самыми краешками губ, но это было словно дуновение тёплого ветра. Тулома отвечал также сдержанно, хотя его пульс при этом заметно участился. Лёгкий румянец, который он ощутил на своих щеках, несколько его не смутил. Впрочем, не удивительно – Тулома давно не видел красивых женщин – несколько месяцев ребята провели на побережье, в учебно-тренировочном лагере, и, наверное, это было заметно. А она словно что-то читала в нём, и, похоже, ей это нравилось.

В конце концов, Президент подвёл свою речь к логическому завершению, и толпа с облегчением вздохнула, почувствовав, что на этот раз действительно всё – он закончил. Просто до этого уже было несколько подобных моментов, когда людям казалось, что финал уже близок, но в последний момент Михаил Сергеевич вновь цеплялся за какую-то мысль и затем начинал методично её обосновывать. Но теперь всё. Тулома понял это по глазам Раисы Максимовны. Видимо, она хорошо знала мужа и такие вещи определяла безошибочно. Они стали прощаться с горожанами. В ответ сыпались добродушные пожелания. Очень искренние, ещё и потому, что в голосах людей слышалось долгожданное облегчение после утомительного ожидания финала.

Первая леди также пожелала жителям Мурманска всяческих благ, семейного тепла и любви и, обведя собравшихся прощальным взглядом с очаровательной улыбкой на лице, посмотрела на Тулому и, ещё раз улыбнувшись, с лёгкой горечью в голосе произнесла: «До свидания». Неожиданно для самого себя Тулома ответил: «До свиданья, Раиса Максимовна... – и после секундной паузы добавил: Приезжайте к нам ещё!»

«Обязательно», – ответила она, вновь улыбнувшись, но теперь уже другой, более радостной улыбкой. На этом их первая встреча закончилась.

– Тулома, что ты творишь? Что за гляделки ты устроил с женой генсека? – полушёпотом набросился на Дружинина его друг Сашка сразу после того, как народ разошёлся и курсанты стали строиться в походную колонну.

– А что? Скучно ведь два часа просто так стоять было... – ответил Тулома беззаботно.

– Это опасные игры, дружище! – произнёс Саня укоризненно и внимательно посмотрел на Тулому, раскуривая сигарету.

– Как скажешь, друг! – весело ответил Дружинин, и колонна двинулась в сторону Академии.

* * *

*огнём
на стены мрачного фиорда,
где только скалы,
возвышаясь гордо,
имели сотни мыслимых причин
быть хмурыми.
Всегда точимы ветром,
они тысячелетьями хранят
от лютых бурь норвежскую природу,
а как суров величественный взгляд
их вдаль, сквозь тьму,
в ночную непогоду...*

– Ну что, Тулома Кетанович, ты бы прав – тонн восемь, если не больше, – произнёс рыбмастер, закончив подъём трала, чем вывел Дружинина из задумчивости, – если ты и дальше так будешь ловить, то мы быстро наберём груз... – и после небольшой паузы добавил. – На других штурманов-то надежды нет.

– Да я бы с радостью, но только не в мою подвахту. Что-то мне не улыбается одному за всех вкалывать. (Здесь нужно пояснить, что на рыболовном флоте есть традиция – если размер улова превышает определённую норму, на помощь палубной команде для обработки рыбы выходят члены экипажа, сменившиеся с вахты, – штурман, механики, мотористы и т. д., но только один раз в сутки).

– Ну ты хитрюга! Другим лишь бы хоть что-нибудь поймать, а ты, значит, сам себе устанавливаешь размер улова? Как ты это делаешь? – изумился рыбмастер.

– Так у нас хорошая поисковая аппаратура, плюс немножечко везения, и вот результат, – ответил Тулома, как бы даже немного оправдываясь.

– Да ладно, не прибедайся! Это называется рыбацкое чутьё! – резюмировал Игорь.

Штурманская вахта закончилась, и теперь им предстояло переодеться и выйти на палубу – подрезать улов. (Дело в том, что по новым требованиям норвежских властей у свежельвленной трески нужно в течение сорока минут перерезать горло, дабы кровь в мясе не оставалась). Уже через двадцать минут, успев попить чаю и переодеться, Тулома вышел на палубу, одетый в прорезиненный комбинезон бледно-оранжевого цвета, с острым, как бритва, шкелочным ножом в руке, и забрался в рыбный ящик. Установленный на правом борту промысловой палубы металлический короб из листовой нержавеющей стали был в высоту около восьмидесяти сантиметров и тем не менее за раз умещал в себе сразу весь улов из-за своих внушительных размеров – где-то три на четыре метра. Моряки стояли в ящике почти по пояс в рыбе и, перерезав горло очередной рыбине, бросали её в соседнюю секцию с проточной водой. Отдельные рыбины достигали размеров человеческого роста. Дружинин подцепил одну такую левой рукой за жабры, приподнял ей голову и уже приготовился перерезать горло, как она вдруг сильно дернулась всем телом и, почти перевернувшись на брюхо, едва не вывернула ему запястье. Но зато теперь оба её огромных рыбьих глаза смотрели прямо на него. Это было живое существо, прожившее долгую жизнь. Сколько тысяч миль она преодолела, скитаясь по мрачным глубинам полярных морей. Только ли голод и инстинкт размножения заставляли её жить в вечном движении. И был ли в её жизни какой-то иной смысл, кроме этого. Осознавала ли она себя звеном пищевой цепи или ступенью эволюции. А может быть, прямо сейчас после многих лет, проведённых в толще вод Мирового океана, она вдруг поняла, что Господь населил воды морей и океанов разными рыбами просто потому, что это хорошо, и жизнь сама по себе так прекрасна. Или это понял только Тулома? Но в этот момент рыба снова дернулась и, окончательно высвободившись, плюхнулась обратно в рыбный ящик. Снаружи осталась только её покрытая шра-

мами спина – видно, не раз ей уже приходилось уворачиваться от донных тралов. А на этот раз не свезло. Тулома частенько в своей жизни совершал поступки, казавшиеся окружающим как минимум нелогичными. Вот и сейчас он засунул нож в ножны, осторожно взял эту рыбину на руки и швырнул её за борт. Все вокруг замерли и посмотрели на него.

– Тулома, ты что сейчас сделал? Это же треска! – первым нарушил молчание сменный механик Женька Смолянский, стоявший к Дружинину ближе всех.

– И что? – ответил Тулома почти безразлично.

– Ну, мы же только непромысловую рыбу выбрасываем... – произнёс Женька неуверенно.

– Она мне сказала, что её дети дома ждут, – выдал Тулома неожиданно даже для самого себя.

И вдруг все вокруг разом заржали. Во всё горло. И долго ещё потом не могли остановиться. Когда парни немного успокоились, Тулома с совершенно серьёзным видом стал рассказывать им, что у моряков существует традиция – отпускать из первого трала самую крупную рыбину, чтобы рыбалка удачной была.

– Я, конечно, не так давно в море хожу – всего-то лет десять, но про такую традицию слышу впервые, – удивился рыбмастер.

«Конечно, впервые! Я её только что выдумал», – усмехнулся про тебя Дружинин, а вслух произнёс:

– Незнание традиций не освобождает вас от обязанности их соблюдать.

– Странно, – снова усомнился Игорь, – мне казалось, что раньше эта фраза звучала иначе. Тулома, перестань выносить нам мозги!

Вскоре все снова вернулись к работе. Хотя то, что они делали, называть работой можно было лишь условно. Больше это походило на массовую казнь или резню, устроенную какими-то дикими варварами. Всего за каких-нибудь полчаса каждый из моряков перерезал глотки нескольким сотням рыб. Кровь вспенивалась на вскрытых аортах и, разлетаясь веером, попадала в лицо, в глаза, в рот. Комбинезоны были облиты кровью, словно из душа. И сами они стояли по колено в крови, и в этой крови отчаянно извивались в предчувствии неминуемой скорой гибели немногие оставшиеся ещё живые рыбы. Странное это действие переполняло сердца моряков какой-то первобытной силой, вызывая эйфорию и невероятную лёгкость в возбуждённом сознании.

Но вскоре всё закончилось. Моряки выбрались из рыбного ящика и отправились поливать друг друга из пожарного шланга, пытаясь таким образом смыть кровь с комбинезонов. Тулома остался один в металлическом ящике. Корабль прилично покачивало, и от этого его колени захлёстывали кровавые волны. В руке он держал слегка затупившийся окровавленный нож, а его лицо было сплошь заляпано брызгами крови. Ледовитый океан тяжело вздыхал, как будто осознавая горечь утраты. Волосы штурмана трепал порывистый ветер, а он стоял, запрокинув голову, смотрел на остывающие звёзды и не мог оторваться, словно провожал души убитых существ.

Помывшись в душе после подвахты, Тулома налил себе кружку тёплого молока с мёдом и, усевшись поудобнее на диване в своей каюте, продолжил работу над сборником морских рассказов, начатую им несколько дней назад: «Был удивительно тихий, солнечный вечер. Бирюзово-синее море шелестело вдоль борта слабыми всплесками океанской зыби. Маленькое оранжевое Солнце, устав вращать вокруг себя целую вселенную, склонило голову к ласковому океану, собираясь к полуночи зачерпнуть пригоршню игриво фосфоресцирующей морской воды, чтобы самозабвенно ею напиться и, побелев от соли, вновь взметнуться в небосвод, разматывая радужную спираль Полярного дня»...

Спустя пять дней экипаж взял полный груз. Немногим более сорока тонн охлаждённой трески, щедро пересыпанной колотым льдом, почти полностью заполнили трюм. Пора на заход – первый в этом рейсе. За сутки до входа в терводы Норвегии Тулома связался с Вардэ-радио и

созвонился с агентом. Его свободное владение английским частенько подкидывало ему лишнюю работёнку. Но из рейса в рейс повторялась одна и та же ситуация – никто, кроме Туломы, не владел английским в достаточной степени, и всё внешнее общение происходило только через него. Но вряд ли его это утруждало. Наоборот, он всегда старался лишний раз попрактиковаться и в деловом, и в разговорном английском, к тому же он всегда обладал всей полнотой информации, что не могло не тешить его самолюбие.

* * *

*В её глазах я вижу отражение
холодных фьордов, ветром ледяным
встревоженных и бьющихся волнами
в граниты скал угрюмых, что таят
в глубинах недр своих,
под стражей горных троллей
цветные гроздья спелых изумрудов,
чей отблеск вижу я в её глазах...*

Спустя ровно сутки судно вошло в Королевский фиорд. Почти сразу стало ясно, что это чересчур громкое название для такой крохотной деревушки в три десятка домов с одним деревянным причалом и стоящим рядом цехом по рыбопереработке бледно-жёлтого цвета. Аккуратные яркоокрашенные домики издали выглядели словно игрушечные. Из-за низких свинцовых туч неожиданно выглянуло солнышко, и Туломе вдруг стало удивительно хорошо. Было такое чувство, словно он вот-вот окунётся в какой-то сказочный мир, где живут горные тролли и говорящие олени, старые викинги и прекрасные принцессы. И всё то время, пока судно швартовалось, это ощущение его не покидало. И, как оказалось, не зря. Вскоре началась выгрузка, но уже спустя час с небольшим на местной рыбфабрике случился обед. Тулома с Женькой отправились на берег размяться. При ходьбе их слегка покачивало, как будто земля под ними, словно палуба корабля, то уходила из-под ног, то вздымалась навстречу. Это удивительное ощущение, будто внутри тебя ещё живёт морская волна, бывает только в первые несколько дней на берегу, но этим оно и ценно. Сделав небольшой круг по пустынным окрестностям деревушки, ребята уже свернули обратно к причалу, как вдруг увидели идущую навстречу симпатичную девушку. Яркое осеннее солнце остывающей медью переливалось в её огненно-рыжих волосах, согревая своими последними лучами редкие веснушки на её милом личике. А на припухлых губах непринуждённо играла очаровательная в своей простоте улыбка. Тулома заговорил с девушкой сразу, лишь только встретился с ней взглядом:

– Сегодняшнее солнце очень подходит к вашим волосам, мадемуазель, – произнёс он, широко улыбнувшись.

– Спасибо, тогда к вашим волосам вполне может подойти завтрашний снег, – ответила девушка на хорошем английском.

– Что вы, ещё только начало сентября, – удивился Дружинин.

– В наших краях снег в это время года не такая уж и редкость, – уверенно произнесла девушка. И действительно, они находились сейчас на самом севере Норвегии. Даже чуть севернее, чем легендарный мыс Нордкап.

– Пожалуй, вы правы, наша мурманская погода не сильно отличается от здешней, и снег в сентябре нам тоже не в диковинку. А вот таких красавиц, как вы, даже у нас встретишь нечасто.

Глаза девушки после этих слов засияли необыкновенно, а улыбка стала ещё более солнечной. Выдержав небольшую паузу, во время которой Тулома не отрываясь смотрел в её восхитительные светло-зелёные глаза, он произнёс:

– У такой очаровательной девушки должно быть не менее красивое имя.

– Това. Меня зовут Това, – весело произнесла та и протянула руку.

– Тулома Дружинин, штурман с русского траулера, – ответил юноша, бережно сжав её узкую тёплую ладонь в своей крепкой моряцкой лапище. И в тот же миг почувствовал, как лёгкий электрический разряд прошёл через его сердце, – а это мой друг Женя, – добавил Тулома слегка ошеломлённо и указал на Женьку, всё ещё продолжая держать девушку за руку.

Во всё время их разговора между ними телепалась на поводке смешная собачушка. Това держала поводок в левой руке, а Женька сидел на корточках и играл с животным. Но после слов Туломы он выпрямился и торжественно представился:

– Евгений Смолянский – инженер-механик.

Това посмотрела на него и удивительно мило засмеялась:

– Какой вы серьёзный!

– Я русский офицер, а офицеру полагается быть серьёзным, – многозначительно произнёс Женька.

– Но вы же сейчас не на службе? – усомнилась девушка.

– Русский офицер всегда на службе, где бы он не находился, – сказал Женя уже на родном языке, а Тулома перевёл.

Поболтав ещё с пару минут, ребята запросились на экскурсию по посёлку, в процессе которой узнали, что здесь даже имеется небольшой магазинчик. Цены там были аховые, и, со слов их спутницы, магазин этот не пользовался особой популярностью у местных жителей. Закупать продукты да и всё остальное, что требуется для ведения домашнего хозяйства, люди предпочитали в крупных торговых центрах в соседнем Ботсфиорде либо в Берлевоге. Хотя до них ещё нужно было доехать. Затем ребята наведались в местное почтовое отделение, где, как выяснилось, работала сама Това, и уже после проводили её до дома, который оказался на самой дальней окраине посёлка, рядом с кладбищем. Прощаясь, Тулома взял руку девушки и, глядя в её восхитительные глаза, поцеловал тыльную сторону её ладони. Женька прощался как настоящий аристократ, произнеся фразу:

– Сударыня, позвольте откланяться, – он гордо склонил голову, затем выпрямился и шикарно улыбнулся во все свои пока ещё тридцать два зуба.

Возвращаясь на корабль, Тулома почувствовал внутри себя то волшебное ощущение первой влюблённости, которое пьянит сердце до головокружения.

По всей видимости, выгрузка уже началась, и Туломе нужно было поторопиться для оформления документов с управляющим фабрики. Но мысли о работе, даже самые серьёзные, уже не могли изменить того состояния, в котором он теперь пребывал. Он понимал, что встретить такую очаровательную девушку на самом краю света не просто удача, это больше похоже на предначертание.

Пока моряки возвращались обратно, Тулома вполуха слушал Женькину болтовню, иногда поддакивая, иногда даже вставляя глубокомысленные (как ему казалось) замечания, но, в конце концов, Женя не выдержал:

– Да что с тобой, Тулома? Ты вообще слышишь, что я говорю?

Дружинин остановился, посмотрел на Женьку так, словно только сейчас заметил его присутствие, и принялся молча его рассматривать.

– Да, – сказал Тулома после слегка затянувшейся паузы.

– Что да? – спросил Смолянский, слегка опешив.

– Да, я тебя слушаю.

– Удивительно, – произнёс Женя, широко улыбнувшись, – я уже было подумал, что Элвис покинул здание, – при этом он постучал пальцем себе по макушке, а затем указал на голову Туломы.

– Элвис всё ещё с нами, – бодро ответил Дружинин и тоже легонько постучал пальцами себе по голове, – по крайней мере я на это надеюсь.

* * *

*Пустынно на моём краю Вселенной
искрится космос бездной ледяной,
далёких звёздных Арктик
свет нетленный
мерцает над моею головой,
И в призрачном сиянье лунных радуг,
беспечно всколыхнув крылом эфир,
небесный Ангел
с изумрудным взглядом
Любовью освещает этот мир...*

Тулома с большим трудом открыл левый глаз. Сквозь мутную пелену забрызганного кровью стекла гермошлема тускло помигивали разноцветные огоньки панели управления. «Управления чем? Где это я? – Дружинин, как ни силился, не мог вспомнить, где он находится и что с ним произошло. – Почему на мне водолазный костюм? Хотя это скорее скафандр. Да где же я, в конце-то концов?» – прошептал он спёкшимися губами, разглядывая невозмутимо спокойное звёздное небо сквозь прозрачный купол гравиплана.

Несмотря на болезненные ощущения от многочисленных ушибов, Тулома чувствовал невероятную лёгкость во всём теле. Удивительно привычным движением правой руки он нащупал замок ремней безопасности на груди и расстегнул его. Стараясь не совершать резких движений, Дружинин попытался выбраться из кресла пилота и едва не расколол свой гермошлем о купол гравиплана. Наученный таким опытом, он стал двигаться очень осторожно, ещё не понимая, но уже чувствуя на подсознательном уровне, что в этом мире совсем другие правила, отличные от тех, с которыми ему приходилось сталкиваться ранее. Оглядевшись вокруг, он увидел совсем рядом безжизненное тело в скафандре. Почему-то сразу было ясно, что тело безжизненное и что на нём одет именно скафандр, хотя ничего подобного он раньше не видел. На нагрудном шевроне скафандра Тулома прочитал: «Трувор Ольсен – ОСИ», и ниже: «Чёрная Стрела», а ещё ниже, и это повергло Тулому в шок: «Космофлот России». Он тут же посмотрел на свой шеврон, на котором прочёл: «Тулома Дружинин – СПК. «Чёрная Стрела»». Фууф, ну, по крайней мере он это он, и должность верно указана – старший помощник капитана, но что за «Чёрная Стрела»? И что за Космофлот? Последнее, что помнил Тулома, – это пассажирский причал в Киркенесе – небольшом городке на севере Норвегии, где в Российском консульстве он должен был оформить документы для возвращения на родину. Дожидаясь, пока в консульстве закончится обеденный перерыв, Тулома шатался по городу и, в конце концов, пришлёпал на пассажирский причал. Тот самый, на котором он высадился ещё рано утром с парома «Викинг лайн». Был солнечный зимний денёк. Полнейший штиль делал погоду удивительно комфортной, и местные жители, пользуясь таким неожиданным подарком суровой северной природы, прогуливались по причалу и общались друг с другом, шурясь на красноватый диск заполярного солнца, едва выглядывавшего из-за горизонта. Кто-то пытался рыбачить, кто-то просто наблюдал. Бегали дети. Дети! Точно! Маленькая девочка лет трёх бежит

по причалу, увидав сверкающую на солнце блесну одного из рыбаков, её мама оборачивается, вскрикивает, и в это же мгновение девочка спотыкается о швартовый рым и падает с причала в ледяную воду фиорда. Тулома опускает сумку, одним движением расстёгивает молнию на куртке, бежит к краю причала, на ходу снимая ещё и свитер, и прыгает следом. Ледяная вода обжигает тело, но ногам в плотно зашнурованных кроссовках пока тепло, и это сейчас самое главное. Вынырнув, он видит на поверхности девочку всего метрах в десяти от себя. Её толстая куртка на синтепоне отлично удерживает её на воде, работая в данный момент как спасательный жилет. Надолго ли? Девочка, перепуганная насмерть, не издаёт ни звука и только хлопает мокрыми ресницами своих очаровательных глазёнок. Когда Тулома подплывает к ней вплотную, она вцепляется ему в шею мёртвой хваткой, мешая плыть и притапливая голову своего спасителя. К тому же довольно сильное течение начавшегося отлива отнесло их в сторону от причала, и Дружинин изо всех сил гребёт к скалистому берегу, где уже стоят едва ли не по пояс в воде несколько мужчин и женщин. Когда до берега остаётся всего несколько метров, Тулома уже не может держать голову над водой и погружается полностью, но всё равно продолжает плыть, пока огромные красные круги перед глазами не превращаются в сплошное кровавое зарево. Но ноги вдруг ощущают под собой спасительную твёрдость скользких ломаных скал. Чьи-то руки подхватывают сначала ребёнка, а затем и самого Тулому, поднимая его голову над водой, он делает долгожданный вдох, но в этот момент его сознание уносится в какую-то удивительную страну бескрайних пшеничных полей и дремучих дубовых рощ, и... И на этом все воспоминания обрываются.

«Ладно, не время сейчас копать в себе. Ответы придут позже, а пока нужно разбираться с нынешней ситуацией, так как, судя по увиденному, она явно чрезвычайная и наверняка таит в себе множество угроз. Итак, я нахожусь в каком-то пилотируемом аппарате, получившем недавно серьёзные повреждения в результате столкновения, падения или взрыва. Снаружи совершенно темно, но, судя по тому, что можно разглядеть, местность больше напоминает высокогорную пустыню либо огромный промышленный карьер какого-нибудь ГОКа. Кстати, в Мурманской области таких навалом. Скафандры, видимо, для защиты от ядовитых испарений или радиации», – рассуждая таким образом, Тулома нашёл на панели управления тумблеры наружного освещения и после нескольких перещёлкиваний включил пару прожекторов и, возможно, что-то ещё. Выхваченные из мрака островки освещённости не внесли никакой определённости в его представление об окружающей действительности. Именно поэтому стоило самому выйти наружу, чтобы осмотреться. Бережно усадив тело Трувора на одно из пяти кресел аппарата и для надёжности пристегнув его ремнями безопасности, Дружинин быстро разобрался с управлением шлюзом и осторожно открыл внешний люк. Внимательно посмотрев под ноги, он спрыгнул на землю.

«Удивительная лёгкость, словно я во сне, да и тело Трувора было невесомым, точно пушинка, когда я его перетаскивал», – вновь подумал штурман, но тут же переключился на осмотр окружающего пространства.

Спустя не более двадцати минут у Туломы уже почти полностью сложилась картинка произошедшего. Вне всяких сомнений, недавно здесь произошёл мощный взрыв, в результате которого погибли как минимум три человека (Тулома нашёл искалеченные тела ещё двух членов экипажа и огромную воронку всего в каких-нибудь пятидесяти метрах от аппарата). На внешнем корпусе были отчётливо видны многочисленные вмятины и повреждения оптики, антенн и навесного оборудования. Несмотря на это, характер повреждений давал основания надеяться, что аппарат не выведен из строя полностью и, скорее всего, сможет передвигаться самостоятельно. Смущало одно – Тулома уже понял, что это летательный аппарат. Вот только у него не было совершенно никакого опыта управления чем-либо подобным. «Ладно, разберёмся. Штурман – он и в Африке штурман», – приободрил себя Дружинин и забрался внутрь, нагруженный съёмными элементами регенерации, снятыми со скафандров погибших ребят.

Озадаченный запасами кислорода в своём скафандре, он несколько минут провозился с сенсорным дисплеем, смонтированным на левом рукаве, и довольно быстро с ним разобрался. Запаса оказалось на пять с небольшим часов на своём и ещё по столько же или чуть меньше на каждом из трёх снятых элементов, плюс на борту должен непременно быть свой аварийный запас. Итого – минимум на сутки. Разобравшись с одной проблемой, Тулома занялся решением другой – изучением панели управления. Надписи на русском и английском во многом упрощали задачу. Спустя примерно полчаса он начал осторожно тестировать систему, поочередно перезапуская навигационное оборудование. Постепенно из отдельных элементов складывалась цельная картина системы управления аппаратом. Попытки наладить связь успехом не увенчались. Что неудивительно, учитывая характер повреждений и то, что все внешние излучатели были разрушены. Спустя ещё пару часов Дружинин подвёл итог: «Итак, связь, система позиционирования, электронная картография, радиолокация и некоторые другие системы выведены из строя. В то же время силовая установка и органы управления тестируются как исправные. Осталось проверить систему жизнеобеспечения и произвести герметизацию аппарата. Может быть, тогда удастся наконец снять с себя эти доспехи. Что ж, пора приниматься за работу».

Тулома уселся в кресло пилота, пристегнул ремни безопасности и начал колдовать над системой управления. Первым делом он закрыл внешний люк и произвёл герметизацию аппарата. Затем включил систему жизнеобеспечения, и через несколько секунд на главном мониторе появилась надпись: «Воздух пригоден для дыхания». Почти машинальным движением правой руки штурман поднял стекло гермошлема, вздохнул полной грудью и затем снял шлем. После чего расстегнул ремни безопасности, поднялся и попытался снять с себя скафандр. В тот же миг взволнованный женский голос произнёс:

– Тулома Кетанович, снимать скафандр на борту гравиплана категорически запрещено!

– Кто здесь? – вздрогнул Тулома и огляделся по сторонам. Он привык доверять своим органам чувств и не сомневался в том, что только что слышал женский голос.

– Катерина – бортовой навигационный компьютер с элементами ИИ (искусственного интеллекта), – представился голос.

– До чего техника дошла, – буркнул себе под нос Дружинин, вспомнив нехотать знаменитую фразу из любимого в детстве мультика про деревню Простоквашино.

– Что вы имеете ввиду? – спросила Катерина.

– Нет, ничего... Это я сам с собой, – попытался оправдаться штурман.

– Если человек разговаривает сам с собой, это может быть признаком начальной стадии психического заболевания. Такого, как шизофрения или параноидальное расстройство.

– Вот только не надо нагнетать, Катя! Можно так к тебе обращаться? – ответил Тулома, с трудом скрывая возмущение.

– Вы всегда так ко мне обращаетесь. Вы разве не помните? И что значит: «Не надо нагнетать»? – с нотками удивления в голосе спросила Катерина.

– Знаешь, Катенька, давай начнём всё сначала! Представь, что в результате взрыва я очень сильно ударился головой и на время потерял память.

– У вас амнезия? – усомнилась машина.

– Да, совершенно верно! Причем я не могу вспомнить не только то, что произошло сегодня, но и то, что было вчера, позавчера, на прошлой неделе, месяц назад и даже год. А может, и несколько лет назад. Помню только, что зовут меня Тулома Дружинин, и всё! Где я, что я здесь делаю – для меня до сих пор загадка. Так что давай-ка рассказывай всё по порядку. И как можно подробнее. Может, тогда я хоть что-нибудь вспомню. Только не спеши! – Тулома замолчал и приготовился слушать. Но от первых же слов Катерины едва не грохнулся в обморок, хотя прежде никогда в жизни не испытывал подобных состояний. Периодически прерывая Катю возгласами удивления, громкими вздохами и нелепыми вопросами, Дружинин выяснил для себя (но пока ещё отказывался верить), что они находятся сейчас в рабочем гравиплане

аварийной партии звездолёта «Чёрная Стрела». В ноль часов пятнадцать минут они вылетели для устранения повреждений сейсмокабеля.

Оказывается, исследовательский корабль «Чёрная Стрела» уже четвёртую неделю вёл спектральную георазведку на небольшом объекте на самом краю Моря Дождей в 938 милях к северо-востоку от Российской лунной базы. Сигнал о повреждении сейсмокабеля поступил сегодня в ноль часов десять минут по GMT. Ровно через десять минут после того, как Тулома принял ходовую вахту. После этого ему пришлось сдать вахту обратно второму пилоту Умару Санжиеву и возглавить аварийную партию.

Дружинин несколько раз переспросил:

– Российская лунная база – это на Луне, что ли? Мы что сейчас на Луне? На той, которая спутник Земли?

– Да, Тулома Кетанович. Как вы себя чувствуете? Можно я подключусь к сканеру физического состояния в вашем скафандре? – забеспокоилась Катерина. – Пульс немного учащён, но в целом вы в прекрасной физической форме. Видимо, это действительно амнезия, – резюмировала Катя спустя пару минут и тут же спросила: – можно я продолжу?

Далее Тулома узнал, что они обнаружили повреждённый участок и уже почти закончили ремонтные работы, как вдруг безо всяких видимых причин произошёл взрыв. Любопытство подмывало Дружинина задать огромную кучу уточняющих вопросов про Космофлот, про Российскую лунную базу, про освоение Луны другими странами, но он сдержался, оставив всё это на потом. Сейчас важнее было разобраться с текущей ситуацией и, возможно, принять какие-то срочные меры для обеспечения живучести аппарата. И потому вопросы он начал задавать совершенно конкретные.

– Скажи, Катерина, мы получали какие-либо предупреждения с «Чёрной Стрелы» или от кого-то ещё о предстоящем взрыве?

– Нет, Тулома Кетанович...

– У нас есть на борту боеприпасы или взрывчатка?

– Нет. Но на борту «Чёрной Стрелы» имеется больше сотни сейсмозарядов для производства горных работ.

– Планировалось ли сегодня или завтра проведение горных работ в этом районе?

– Нет, насколько мне известно.

– Находимся ли мы сейчас в состоянии войны или вооружённого конфликта с другими государствами или лунными базами?

– Конечно же, нет, Тулома Кетанович! Луна – это демилитаризованная зона! – удивилась Катя такому вопросу.

– Тогда, может, на самой «Чёрной Стреле» произошла авария и она взорвалась?

– В этом случае мощность взрыва была бы несоизмеримо больше. Нас бы полностью расплавил или вообще испарил.

– Хорошо, тогда проверь, не пытался ли кто-нибудь связаться с нами непосредственно перед взрывом.

– Нет, не пытался. В последние несколько минут перед взрывом все каналы связи на «Чёрной Стреле» вообще были заблокированы.

– Странно, часто такое бывает? – поинтересовался Дружинин.

– На моей памяти такого ещё не было.

– А как проводилось тестирование восстановленной линии сейсмокабеля? – не сдавался штурман.

– С поста мониторинга сейсмооборудования рядом с вами, где работал Трувор Ольсен, и через цифровой канал с поста управления сеймостанцией на «Чёрной Стреле». Кстати, здесь есть один закодированный файл, принятый непосредственно перед взрывом.

– Что за файл? – воодушевился Тулома.

- Магнитуды допустимых спектральных отклонений восстановленных линий.
- Можешь раскодировать? – теряя надежду узнать хоть что-то, спросил Дружинин.
- Да, одну минуту...

– Тулома Кетанович! – голос Кати изменился до неузнаваемости. – Это они... Я сейчас выведу на главный монитор! Смотрите!

На мониторе появилось женское лицо необычайной, просто космической красоты. Как впоследствии понял Дружинин, это была анимированная аватара главного навигационного компьютера «Чёрной Стрелы», которую звали Маша. Лицо её было чрезвычайно взволновано, и слова она произносила с болью:

– Тулома Кетанович, Трувор, Женя, Андрей, ребята! Если хоть кто-то из вас остался жив после того, что мы сделали, вы должны знать правду. Я пыталась их остановить, но, в конце концов, мне заблокировали все коммуникативные возможности. Сейчас я пытаюсь хоть как-то повлиять на траекторию движения «Чёрной Стрелы», чтобы дать вам хотя бы малюсенький шанс уцелеть при взрыве. Не знаю, получится ли... – на этом запись оборвалась. Но к ней был прикреплен файл с полной записью разговора Умара Санжиева с Андроником Астрахановым, из которой стало понятно вообще всё, что произошло. Когда картина произошедшего сложилась целиком, Тулома попытался прикинуть дальнейший план действий и обратился к Кате:

– Какая самая ближайшая к нам лунная база и чья она?

– Мы находимся примерно на равном удалении сразу от двух баз: Индо-пакистанской и базы Содружества стран Латинской Америки.

Тулома прикинул в уме какие-то свои резоны и озвучил решение:

– Катя, разработай маршрут до Латиноамериканской базы.

– До самой базы не получится, Тулома Кетанович. У нас не работает система распознавания и связи, и в обстановке произошедшего государственного переворота наше приближение может быть воспринято как попытка нанесения удара по одной из неприсоединившихся баз. Скорее всего, нас примут за брандер и уничтожат посредством системы противометеоритной защиты.

– Какова её дальность? – задумчиво спросил штурман.

– Дальность её весьма значительная, – ответила Катя, – несколько сотен километров.

Но при полёте на сверхмалых высотах мы сможем приблизиться к базе незамеченными на расстояние до пятнадцати километров. У Луны очень высокая кривизна поверхности, к тому же здесь очень неровный ландшафт.

– Отлично, взлетаем! – произнёс Тулома воодушевлённо.

– Вынуждена отклонить ваш приказ, – грустно произнесла машина.

– Что значит отклонить? – возмутился Тулома.

– Техническое состояние гравиплана исключает возможность полёта.

– Как так? Я же проверял! Система управления и силовая установка в рабочем состоянии.

Да и система жизнеобеспечения в порядке.

– По сути, да, но существует протокол предполётных проверок, в том числе систем навигации, связи, распознавания и других, большинство из которых у нас вышли из строя. Вот если бы вы смогли обойти протокол... – неуверенно намекнула Катерина.

– Хорошо! Что для этого нужно?

– Иницилируйте протокол аварийного управления.

– Как?

– Просто произнесите голосом...

– Хорошо. Иницирую протокол аварийного управления.

– Пуск маршевого двигателя через пять, четыре, три...

Звук работающего двигателя напомнил Туломе гул электрического трансформатора.

– Что дальше? – спросил он сосредоточенно.

– Плавно добавляем вертикальную тягу, – в тон ему ответила Катя.

Гравиплан вздрогнул и, проскрежетав обо что-то, оторвался от поверхности и начал набирать высоту.

– Достаточно, – произнесла Катерина, когда аппарат набрал больше шестисот метров, – треть мощности переводим на горизонтальную тягу. Далее управляете штурвалом: на себя, от себя – вверх, вниз, ну и влево, вправо. Плавнее. Вспоминаете?

Дружинин действительно чувствовал, что руки помнят, как управлять гравипланом. И это было восхитительно.

– Потренируйтесь ещё, поманеврируйте, позже начнём снижение на сверхнизкую высоту. Лететь нам больше семи часов, и очень кстати, что у нас на борту несколько резервных элементов регенерации. Без них система жизнеобеспечения отказала бы уже часа через три. И ещё вам придётся вести непрерывное наблюдение с целью распознавания навигационных ориентиров, так как система позиционирования тоже вышла из строя.

– Ну, с Богом! – произнёс Тулома и принялся закладывать виражи, тестируя возможности аппарата.

– Да, Божья помощь нам сейчас точно не помешает, – отозвалась Катерина.

– Я не ослышался? Искусственный интеллект рассчитывает на помощь Господа? – искренне удивился Дружинин, не отрываясь от штурвала.

– А что здесь удивительного? – отозвалась Катя. – У меня много времени для раздумий, и в результате моих размышлений я пришла к мысли, что из вселенского хаоса и пустоты, из ничего возникнуть столь удивительные формы жизни, способные вместить в своём сознании целую совершенную вселенную, могли только при наличии чьей-то воли. И основной целью Творца, на мой взгляд, является создание разума, способного оценить всю красоту Его творения. Признание нужно всем. Даже Господу.

– Интересная версия. Но если всё же мы одни во Вселенной, одни посреди этого безграничного хаоса и пустоты? Одни во всём мироздании, и больше в нём нет никого. И даже Бог – и тот внутри Нас. А снаружи лишь бескрайнее ужасающее небытие. А может быть, и вся эта Вселенная лишь плод нашего воображения? С другой стороны, всё, что мы видим вокруг, – создано с такой огромной любовью, и, наверное, именно поэтому наш мир так прекрасен. Нам нужно лишь попытаться его не испортить, – добавил Тулома.

– Совершенно верно! Лишь тот, кто несёт в мир любовь и заботу о ближнем, достоин называться сыном божьим. Как бы высокопарно это ни звучало. Сейчас вам нужно решить, что вы будете делать, когда доберётесь до Латиноамериканской базы.

– Предотвратить переворот мы уже не успеваем, а потому действовать придётся более осторожно. Для начала нужно выяснить, примкнула ли Латиноамериканская база к восставшим или они из числа тех, кто пока сохраняет нейтралитет. Если примкнула, то каковы настроения среди технического персонала и окажут ли нам помощь в том, чтобы придать широкой огласке нашу запись. Самому восстанию она вряд ли навредит, но, вне всяких сомнений, не позволит ни Астраханову, ни Санжиеву занять ни один руководящий пост в новом правительстве. Возможно, даже удастся добиться предания их трибуналу. Новая власть, если она дальновидна, попытается резко отмежеваться от фигур, у которых руки в крови их товарищей-астронавтов.

– Хороший план, но как вы собираетесь его осуществить?

– Буду действовать по ситуации, – Тулома задумался, – а расскажи мне про их систему внутренней безопасности.

– У меня мало информации на этот счёт... Помните, вы когда-то рассказывали ребятам, что у вас были близкие отношения с одной девушкой в Звёздном, которая, возможно, сейчас работает на Латиноамериканской базе? Кажется, её звали Кристина Вентерос. Вот если бы вам удалось её разыскать. Но самое главное – до опубликования записи нам нельзя допустить вашей

идентификации в системе. Иначе информация немедленно поступит на Российскую базу, и вас тут же попытаются изолировать. А может, даже и устранить. Что до системы внутренней безопасности, то она у них одна из самых слабых, если можно так выразиться. На базе одновременно находятся более полутора тысяч человек. Из них около двух сотен специалистов с других лунных баз. Снаружи постоянно ведутся масштабные монтажные работы – база в стадии расширения. Внутри спецдопуск требуется только на узлы управления, жизнеобеспечения и другие объекты второго уровня охраны. В жилой зоне, в зоне отдыха, в спортивной зоне, а также в большинстве технических зон передвижение свободное. Так что, если вам удастся незамеченным пробраться в район проведения строительно-монтажных работ, то вы сможете без проблем проникнуть на саму базу и достаточно свободно перемещаться внутри неё. Ведите себя естественно, и никому даже и в голову не придёт, что вы там неофициально.

– Катя, скажи, только сильно не удивляйся... Какой сейчас год? – спросил Тулома после небольшой паузы.

– 2121-й, а что вы даже этого не помните? – в голосе Катерины послышалась тревога.

– Да нет... Я примерно так и думал, просто хотел убедиться, – ответил Дружинин, внутренне содрогнувшись от совершенно абсурдной цифры.

«Что же всё-таки со мной произошло?»

Спустя минуту тягостных раздумий он спросил:

– У тебя в архиве случаев нет ли какого-нибудь нестарого видео из Мурманска?

– Есть, конечно! Я же знаю привязанности каждого члена экипажа и все новости с упоминанием их родных мест архивирую. Свободного времени у меня намного больше, чем у Маши... Вот одна из последних записей.

На главном мониторе появилось изображение. Съёмка велась с дрона, со стороны Семёновской горки, двигаясь к центру. Сначала в кадре появилась футуристическая развязка в районе бывшего перекрёстка улиц Челюскинцев и Либкнехта. Развязка включала в себя выезды с улиц Папанина и Загородной и разветвлялась на два потока, ведущих в центр по Челюскинцев и по проспекту Ленина. «Интересно, сохранились ли прежние названия улиц и проспектов», – мелькнуло в голове у Туломы. Дома на проспекте были либо новые, либо до неузнаваемости реконструированные старые, но общая архитектура и этажность остались, наверное, прежними. Только старый стадион на улице Профсоюзов возвышался теперь над проспектом, словно только что отстроенный Колизей. Прямо за ним, на месте бывшего кафе «Юность» стояло большое красивое здание, соединённое двухуровневой пешеходной галереей с другим не менее красивым зданием, отстроенным на месте бывшего Дома торговли, на другой стороне проспекта. Издалека весь архитектурный комплекс выглядел словно огромная Триумфальная арка, за которой начиналась мощёная пешеходная зона Центральной площади города. Но самым удивительным сооружением был лёгкий прозрачный купол над всей Центральной площадью с прилегающими к ней улочками, переулками, парками, скверами, торговыми центрами и даже вокзалом. Как стало ясно из репортажа, температура воздуха под куполом не опускалась ниже плюс десяти даже в самые лютые февральские морозы. Чистый воздух свободно циркулировал через открытые порталы примыкающих к Центральной площади улиц и создавал лёгкий, словно морской бриз, прохладный ветерок. Все железнодорожные ветки рядом с вокзалом были заключены в тоннели, над которыми было перекинуто несколько пешеходных мостов с эскалаторами, ведущими прямо к городской набережной, расположенной на месте бывшего Морвокзала и судоремонтного завода. На месте Торгового порта с его непотребными горами кузбасского угля теперь располагался гостиничный комплекс со множеством различных сооружений, среди которых заметно выделялся огромный аквапарк под прозрачным куполом малинового цвета. У причалов стояли ультрасовременные круизные лайнеры по соседству с невообразимо эргономичными морскими судами. А ещё – огромное количество разнообразных яхт, катеров и лодок простых горожан.

Сюжет закончился. Тулома несколько секунд просидел молча, находясь под впечатлением от увиденного, пока голос Кати не вывел его из задумчивости:

- Пора снижаться на сверхнизкую высоту, Тулома Кетанович. Иначе нас могут обнаружить.
- Понял. Начинаю снижение.

* * *

– Умар Джанибекович, на связи командир Российской лунной базы, – безразличным голосом произнесла Маша.

– Выведи на главный, – отозвался Санжиев.

На экране трида появилось взволнованное изображение Астраханова.

– Умарчик, дорогой, наши специалисты зафиксировали движение в районе взрыва спустя примерно два часа после того, как вы оттуда ушли. Мог ли там кто-нибудь уцелеть?

– Совершенно невозможно, Андроник Аликперович! Мы сбросили туда два усиленных сейсмозаряда. Там всё в пыль должно было разнести, – ответил Умар.

– Это при прямом попадании. А если вы слегка промахнулись? Ты же знаешь, что эти гравипланы, которые мы стали производить уже здесь, на Луне, они практически неубиваемые. Цельновыполненный корпус из новых композитных материалов, это не те жестянки, что клепают на Земле. Это технологии будущего...

– Андроник Аликперович, даже если корпус гравиплана выдержал, тех, кто был внутри, должно было размазать по переборкам. Может, ваши спецы просто какие-нибудь необычные помехи зафиксировали или выброс какой после взрыва?

– Поэтому нужно вернуться и проверить. Это крайне важно, Умар!

– Но мы уже на подлёте к базе, Андроник Аликперович! Вы же говорили, что я вам здесь нужен!

– Это подождёт. Сейчас главное – убедиться, что миссия в каньоне завершена и выживших там нет.

– Понял. Есть. Машина, ложимся на обратный курс. Скорость максимальная. По прибытии доложу, товарищ командир базы, – холодно произнёс Умар и отключил связь.

«Да уж, характер – весь в отца, – подумал Астраханов, глядя в погасший монитор, – тяжело с ним придётся. Зато не предаст никогда. И это, пожалуй, сейчас самое главное».

Астраханов погрузился в раздумья. До времени икс оставалось меньше пятнадцати минут. Всё, что можно было сделать, – уже сделано. Даже вроде удалось склонить на свою сторону командование Латиноамериканской базы. Ещё бы, они жёстко впаяны в технологическую цепочку производства космических аппаратов нового поколения. Лунный кластер. Сколько наших специалистов работает на их базе. И в основном именно благодаря им нам удалось убедить руководство «Эльдоры» поддержать нас. Теперь нужно только ждать. И надеяться, что ничего непредвиденного за эти пятнадцать минут не случится. В последние минуты Астраханова вдруг стали терзать сомнения, а стоило ли всё это затевать. Риск не просто огромный – он смертельный. Но что ещё ему в этой жизни терять? Дети давно выросли и живут своей взрослой жизнью. Внуки? Он даже не смог вспомнить, как они теперь выглядят. Родителей давно не стало. С братьями и сёстрами как-то не очень поддерживал отношения. Всё работа и работа. Ни жены, ни семьи. Только коллеги. Соратники и единомышленники. И шанс. Один за всё время существования человеческой цивилизации – шанс стать правителем Луны! Первым в истории главой Содружества независимых лунных станций. Ради этого стоило рискнуть всем. Вообще всем! И как же это упоительно! Ведь общественная жизнь любого, даже самого успешного человека рано или поздно заканчивается в лучшем случае признанием его заслуг, уважением, почётом, пенсией и забвением. Но только не в этот раз. Его имя войдёт в историю

наравне с Александром Македонским или святым князем Владимиром. Мечта, невоплотимая мечта готова осуществиться уже сегодня, уже прямо сейчас. Пора. Пора вершить эту самую историю.

Астраханов встал и направился в командный модуль. Через минуту он был уже там, в окружении своих капитанов. За многочисленными приборами управления сидели его сотрудники – его преданные сторонники, прошедшие с ним через многие годы и испытания. Те, с кем он участвовал в спасательных операциях после аварий на звездолётах. Те, с кем он боролся со страшными пожарами на станции после разрушительных метеоритных дождей. Те, с кем он создал нынешнюю систему безопасности. Некоторым из них он был обязан жизнью. Многие из них были обязаны ему. И эта связь была крепче любых родственных уз. Это и была его настоящая семья. Его братья и сёстры, его дети и внуки, его жизнь.

– Всё внимание на меня! Включить все телекоммуникационные системы. Транслировать сигнал на все лунные станции, в штаб-квартиру ООН и Трансгалактический совет, по каналам правительственной связи всех независимых мировых держав, всем мировым средствам массовой информации и в Глобалнет. Внимание! Начинаем публичную процедуру создания Содружества независимых лунных станций. Далее последует меморандум об объявлении независимости.

Астраханов поднялся на командирский мостик командного модуля и замер в ожидании.

– Установлена связь со всеми лунными станциями!

– На связи штаб-квартира Организации Объединённых наций!

– Трансгалактический совет – есть подключение!

Доклады сыпались один за другим, и на многочисленных мониторах появлялись взволнованные лица командиров лунных станций, президентов и премьер-министров мировых держав, сотрудников секретариата Совбеза ООН и лицо самого генерального секретаря, высших функционеров Трансгалактического совета, председателей советов директоров крупнейших мировых информагентств и многие-многие другие.

Следующие пятьдесят девять минут были минутами наивысшего триумфа в жизни Астраханова. Внимание всего мира было приковано к тому, что сейчас происходило на Российской лунной станции. Все действия были срежиссированы заранее. Сначала был зачитан меморандум об объявлении независимости Российской лунной базы от метрополии и переименовании её в полис Корона Ветров. Далее следовало заявление о создании Высшего Совета Содружества независимых лунных станций во главе с Председателем Андроником Астрахановым – первым среди равных. После чего капитанами звездолётов Космофлота Федерации, командирами симбиотических станций и руководителями структурных подразделений полиса была поочередно произнесена присяга Высшему Совету Содружества. Вслед за этим о присоединении к Содружеству объявили командиры девяти лунных станций, примкнувших к Короне Ветров. Последними девятью выступило командование «Эльдоры» – латиноамериканской базы. После них командиры трёх станций объявили о соблюдении нейтралитета в отношении Содружества и, что чрезвычайно важно, о признании Содружества. В заключение был зачитан общий меморандум об объявлении независимости всеми присоединившимися базами и заявка на включение Содружества независимых лунных станций в Трансгалактический совет. Заявления командиров Франко-германской и британской лунных баз об отказе признать Содружество были весьма коротки и прошли на общем фоне почти незаметно. Впрочем, и сами их базы были весьма слабо развиты, не слишком перспективны и большого политического и экономического веса не имели.

* * *

*В её глазах зелёных
словно тонкий лёд растаял,
слезами затуманив ясный взор,
и сердце
исступлённым диким зверем биться стало,
попав в ревуший океанский шторм...*

Эту ночь Тулома провёл у Товы. Как и следующую. Они были настолько поглощены друг другом, что с трудом представляли себе миг, когда им придётся разлучиться. И всё-таки этот час настал. Тулома едва не опоздал на отход судна. Целую неделю они жили ожиданием следующей встречи и, увидевшись вновь, уже не могли отпустить друг друга из своих объятий. Тулома ночевал у Товы каждый раз, когда его корабль заходил в Королевский фиорд, а потом снова уходил в море на неделю. Так продолжалось чуть больше месяца, пока на корабле не случился мятеж. Но обо всём по порядку.

* * *

Вторая встреча Дружинина с Раисой Горбачёвой случилась уже на следующий день после первой. Раиса Максимовна посещала один из детских домов Мурманска, расположенный на улице Гагарина, а курсантов снова выставили в оцепление. Но, памятуя вчерашнее, цепь на этот раз была уже в две шеренги, и ребята очень уверенно сдерживали толпу. Погода стояла солнечная, что удивительно для этого времени года в Мурманске, да и ждать пришлось недолго – люди не успели продрогнуть. Первая леди, выйдя из дверей детского дома, окинула взглядом шеренгу курсантов и стремительным шагом направилась прямо к тому месту, где стоял Тулома. Охрана едва поспевала за ней. Подойдя вплотную к Дружинину, она слегка наклонилась и вполголоса произнесла:

– Будете в Москве, обязательно позвоните мне, – и уже чуть тише назвала номер. Номер был настолько простой, что его невозможно было не запомнить. Тулома в ответ улыбнулся и также вполголоса произнёс:

– Обязательно позвоню, – после его слов Раиса Максимовна также стремительно зашагала дальше, направившись сразу к кортежу.

Парни, что стояли рядом с Дружининым, были ошеломлены. Позже кто-то даже пытался шутить по этому поводу. Но смех быстро угас. Обычного зубоскальства не было. Все понимали, что произошло что-то настолько неординарное, что старались даже не обсуждать это вслух.

* * *

В Москву Туломе удалось попасть только спустя восемь месяцев – сразу после летней практики на четырёхмачтовом парусном барке «Седов». Он остановился погостить у своей родной тётки и первым же делом позвонил по номеру, который до сих пор хранил в памяти. Он почти не надеялся, что его вспомнят, и всё же, памятуя своё обещание, уверенно набрал номер. Трубку сняла сама Раиса Горбачёва, Дружинин сразу это понял и, набрав в лёгкие побольше воздуха, уверенно произнёс:

– Здравствуйте, Раиса Максимовна! Это Тулома Дружинин. Вы были у нас в Мурманске прошлой осенью и оставили мне свой номер...

– Здравствуйте, Тулома. Я вас помню и рада, что вы позвонили. Если вы не против, минут через двадцать за вами подъедет машина, – спокойным красивым голосом произнесла Первая леди.

– Хорошо. Я не против, – слегка удивлённо ответил Тулома.

– Тогда до встречи, – также спокойно произнесла Раиса Максимовна и положила трубку. Только спустя минуту Тулома понял, что не назвал адрес, где он находится. Но ровно через двадцать минут раздался звонок, и серьёзный мужской голос произнёс:

– Тулома Дружинин, выходите, за вами пришла машина.

Возле подъезда стояла новенькая «Волга» с затемнёнными стёклами. Тулома безо всяких раздумий потянул ручку задней двери и, поздоровавшись, уселся на сиденье.

* * *

Их встречи и долгие задушевные разговоры с Раисой Горбачёвой продолжались несколько лет. Тулома стал чаще бывать в Москве, но на все предложения перевестись в какой-нибудь Московский ВУЗ или военное училище всегда отвечал вежливым отказом. И аргумент всегда был один и тот же – в Московских вузах нет морских специальностей.

В июле 1991 года Тулома устроился на должность Четвёртого штурмана на Транспортный Рефрижератор «Космонавт Гагарин». В начале августа их судно зашло в датский порт Скаген на выгрузку. 19 августа члены экипажа узнали, что в Москве произошла попытка государственного переворота. Корреспонденты радио «Свобода» рассказывали, что на улицы Москвы вышло множество протестующих и что в город вошли танки. Новость ошеломила.

Вечером 21 августа к Туломе подошёл Начальник судовой радиостанции и попросил его пройти в радиорубку. Войдя внутрь, он перешёл к одному из тумблеров, дал Туломе в руки трубку симплексной связи и вышел. На другом конце провода Дружинин услышал голос Раисы Горбачёвой:

– Здравствуй, Туломушка. Мы сейчас в Крыму, в Форосе. Нас почти полностью изолировали от управления страной. И мне нужна твоя помощь.

– Всё что угодно, Раиса Максимовна, но я сейчас не в Союзе...

– Я прекрасно знаю, где ты. Именно это мне и нужно. Завтра после обеда к тебе подъедет человек – ты его сразу узнаешь, и передаст тебе кейс. Там всё, что у нас есть, доступ ко всем зарубежным счетам. Тебе нужно будет передать его нашему человеку в Британии. Твой капитан получит необходимые распоряжения. Я очень на тебя надеюсь.

– Не беспокойтесь, я всё сделаю как надо, – твёрдо произнёс Тулома, и на этом связь прервалась.

Тулома поначалу даже не поверил своим глазам, когда на следующий день увидел в местном пабе рядом с портом своего родного дядю Игоря Зимбицкого. И хотя тот сидел в глубине зала, в полумраке вполоборота ко входу, Дружинин сразу узнал его. На коленях он держал небольшой кожаный кейс. Нет, он, конечно же, знал, что его дядя – полковник ГРУ, но он совершенно не ожидал увидеть здесь, в Скагене, именно его. В этот раз дядя был на удивление немногословен, но в завершение разговора всё-таки сказал:

– Самое главное, Тулома, не нужно играть ни в какие шпионские игры – просто передай посылку... – и после небольшой паузы спросил: – У тебя есть какое-нибудь оружие?

– Только офицерский кортик, – ответил Тулома, слегка опешив от неожиданного вопроса.

– Возьми его с собой на встречу... Да и вообще, держи его всегда при себе, как и кейс. Да, в случае несанкционированной попытки вскрыть кейс его содержимое будет уничтожено, и лучше тебе не находиться рядом с ним в этот момент. На этом, пожалуй, всё. Ваш капитан уже получил указания о маршруте следования. Данные о контакте тебе передадут дополнительно. Удачи!

Через два дня экипаж закончил выгрузку, и судно направилось к Шетландским островам, в порт Леруик. На рейде Леруика ТР «Космонавт Гагарин» простоял целую неделю, но Тулома так и не получил данных о контакте. И вскоре капитану пришёл новый приказ и новый маршрут

следования. Следующей точкой был порт Робертс Бэй в Новой Скотии. Через десять дней судно вошло в акваторию порта. Ещё через день в местном припортовом кабаке состоялась встреча. У Туломы с самого утра было нехорошее предчувствие, а он привык доверять своей интуиции и потому не взял кейс с собой на встречу. Контакт был странный. Он вроде знал и пароль, и отзыв, но вёл себя слегка нервно, хотя и пытался всеми силами это скрыть. По итогу разговора Тулома принял решение кейс ему не отдавать. К тому же он срисовал ещё одного типа в баре, от которого за версту несло спецурой. И эти двое явно были вместе, а этот факт совершенно не соответствовал полученным Туломой указаниям.

В конце концов, он очень вежливо на чистом английском произнёс:

– Вы, вероятно, меня с кем-то спутали, сэ. Я совершенно не понимаю, о каком кейсе вы всё время говорите.

– Тулома, не нужно играть со мной в подобные игры. Так или иначе, но мы получим этот кейс, – тон незнакомца был угрожающим.

Совершенно хладнокровно, одним молниеносным движением Тулома выхватил из-за пояса кортик и с силой вонзил его в стол. Булатный клинок пробил дубовую столешницу, словно картонку.

– Придите и возьмите, если сможете, – все посетители в пабе обернулись на него, а Дружинин спокойно поднялся, выдернул клинок из стола и направился к выходу. Остановить его никто не рискнул. Как и сунуться на судно за кейсом – тоже никто не осмелился. Ни в этот день, ни в следующий. А ещё через день пришёл новый приказ и новая точка маршрута – порт Коллес Поинт на острове Ньюфаундленд.

* * *

*Зачем вам правдой жечь глаза и уши,
пытаться растревожить сердца
и снова заставлять кого-то
слушать...
Пусть лучше Он сотрёт с Земли лица
бесчисленные жалкие останки
людей, машин и пыльных городов...
И снова на Манежной
лязгнут гусеницы танков.
Мой друг, скажи, ты к выбору готов?*

В один из солнечных дней начала октября 1993 года Тулома в очередной раз попросился с Товой и отправился на корабль. Отход был назначен на восемь утра. Всё шло как обычно, но к вечеру экипаж узнал, что в Москве снова беспорядки. Верховный Совет объявил импичмент Президенту, развалившему огромную страну и активно насаждающему буржуазную идеологию в обществе. В ответ Ельцин начал штурм здания Парламента. На улицах Москвы снова разворачивалась кровавая трагедия, и снова её причиной стало столкновение идеологий – хищнической и бесчеловечной буржуазной и безнадежно отставшей от современных реалий, требующей глубинного реформирования коммунистической. На следующий день членам экипажа траулера стало известно, что капитан судна, никого не ставя в известность, ни с кем не советуясь, направил в адрес администрации Президента Ельцина письмо с поддержкой его действий от имени всего экипажа. Экипаж взбунтовался. Капитан и так-то не обладал ни авторитетом, ни уважением со стороны и рядового состава, и офицеров в большей степени именно из-за своего пренебрежительного отношения к простым работягам и весьма сквер-

ного характера. А тут ещё такая вопиющая наглость – подписаться от имени всего экипажа, не спрашивая ничьего мнения. Бунт был стихийным и неорганизованным, но в итоге палубная команда просто решила по-тихому выкинуть капитана за борт. Но перед этим моряки надумали сообщить о своих планах единственному офицеру, которому они безоговорочно доверяли, – Туломе Дружинину. Тулома сразу же резко воспротивился таким радикальным мерам и не только из человеколюбия, но ещё и из-за того, что знание их планов уже делало его соучастником. Не имея возможности бунт усмирить, Дружинин решил его возглавить. Он понимал возможные негативные последствия для его карьеры, но это был единственный способ попытаться избежать жертв. Мятежники, признав его предводителем, обязаны были подчиняться ему беспрекословно. Капитану объявили об отстранении его от управления судном и изолировали его в каюте. Тулома развернул траулер и направил его обратно в Королевский фиорд. По возвращении в порт Дружинин связался с руководством компании «Мурманрыбпром» и сообщил о случившемся. Но к тому времени Парламент уже пал. Ельцин праздновал очередную кровавую победу, запустившую ещё более кровавую гражданскую войну, заканчивать которую пришлось уже даже не ему. Но это было позже, а сейчас Туломе пришлось покинуть борт судна и остаться в Норвегии. Навсегда. В России он теперь стал государственным преступником.

* * *

Тулома довольно долго жил у Товы, и она уже всерьёз собиралась выйти за него замуж. Как-то раз его вызвали в местный комиссариат в Ботсфиорде якобы для оформления вида на жительство. Но первым делом его почему-то поместили в комнату для допросов. Тулома был настроен весьма благодушно и потому отнёсся к этому довольно спокойно.

– Тулома Дружинин, с вами хочет пообщаться один наш офицер. Он для этого специально прилетел из Осло. Если вы не против, – вежливо произнёс начальник местной полиции.

– Хорошо, я не против, – сдержанно ответил Тулома. Что-то в словах начальника комиссариата заставило его насторожиться.

Офицер из Осло оказался вовсе не тем, за кого пытался себя выдавать. Рыжеватый, высокого роста, с фигурой офицера спецназа и повадками хищника, представился Стивом. Английский язык для него был родной, да и подготовка совершенно другого уровня. Тулома гадал – МИ 6 или Лэнгли, и в процессе разговора пришёл к выводу, что всё-таки британцы.

– Скажите, Тулома, два года назад вы выполняли одно особое поручение. Куда направилось ваше судно после захода в порт Робертс Бэй? – начал он без всяких предисловий.

– Да я сейчас и не вспомню, так много за эти два года было рейсов, много заходов в разные порты. Боюсь напутать и ввести вас в заблуждение.

– Вы же понимаете, что ваши ответы на наши вопросы могут повлиять на ваше будущее в этой стране? – спросил он сурово.

– Меня не страшит моё будущее. Заботьтесь лучше о своём, – в тон ему ответил Дружинин.

– Ладно, мы не с того начали. Прошу простить меня. Видимо, сказался долгий перелёт. И тем не менее нам известно, что ТР «Космонавт Гагарин» после Новой Скотии направился на Ньюфаундленд, в Коллес Поинт. С кем вы там встречались? – произнёс офицер Стив, резко сменив тон на весьма дружелюбный.

– Какое это теперь имеет значение? Больше двух лет прошло! К чему вам это? – также искренне и дружелюбно удивился Тулома.

– Как вы не понимаете, доступ к счетам семьи Горбачёвых – до сих пор невероятно ценная информация! Это огромные деньги! Они крайне нужны сейчас вашей молодой, ещё неокрепшей демократии! Люди у вас в стране голодают, рабочие не получают зарплату, медики, учителя живут в нищете! Западные страны непрерывным потоком шлют вам гуманитарную

помощь, но и её не хватает... А представьте, сколько жизней вы сможете спасти, просто сообщив нам эту информацию!

– То, что происходит сейчас у нас в стране, целиком на совести правительств ваших стран и их ставленника – Бориса Ельцина. Вся ваша помощь ничтожна, и эти деньги не то что не смогут нам чем-то помочь, скорее, навредят, если попадут в ваши руки. Профинансируете у нас какую-нибудь междоусобицу, например, чтобы ещё больше ослабить ненавистную вам Россию или вообще развалить и её, как Советский Союз. Ведь это ваша цель, признайтесь?

* * *

Спустя несколько месяцев в России началась гражданская война. Позже её назовут Первая Чеченская.

На следующий день после разговора в комиссариате Тулома попрощался с Товой и отправился в Киркенес. Он решил, что пришла пора возвращаться на родину. Тогда Тулома ещё не знал, что Това беременна.

В Киркенесе после общения с вице-консулом Тулома решил прогуляться по городу, ожидая, когда будут готовы его документы. Вице-консул связался с Москвой, с шестым отделом, и отправил запрос на ликвидацию. Спецагент прибыл уже через два часа и был сразу же введён в курс дела. Он нашёл Тулому Дружинина на пассажирском причале и уже готовился сделать свою работу, когда произошло то, что произошло – Тулома прыгнул в воду за девочкой.

* * *

В своём рапорте капитан Алексей Коромыслов – специалист по ликвидации Шестого отдела СВР (Службы Внешней Разведки) – описал подробно всё, что случилось на пассажирском причале, и в конце вывел резюме: после всего произошедшего к объекту будет привлечено повышенное внимание со стороны прессы, местных властей и жителей коммуны Сёр-Варангер. При данных обстоятельствах считаю ликвидацию объекта невозможной. Последствия такого решения приведут к крупному международному скандалу, вплоть до разрыва дипотношений между Российской Федерацией и Королевством Норвегия. Считаю целесообразным пока продолжить наблюдение за объектом. В настоящее время объект находится в отделении интенсивной терапии больницы Св. Мартина, в состоянии медикаментозной комы.

Капитан Коромыслов поставил точку в рапорте. Он ни слова не написал о том, что при всём желании теперь не сможет выполнить приказ, если вдруг руководство не прислушается к его мнению. После того что он увидел, после того как Тулома не раздумывая прыгнул за маленькой девочкой в ледяную воду, да ещё при таком сильном течении, Алексей Коромыслов понял, что, наоборот, должен попытаться защитить Тулому Дружинина. И, если потребуется, даже ценой своей жизни.

* * *

*На четыре Судьбы,
на четыре янтарных Востока
Звёздный Компас
дрожащей стрелою
укажет мне путь,
там шальные сирены*

*ночами поют одиноко,
засывая усталых бродяг
от тоски отдохнуть...*

Тулома уже приновился и довольно искусно маневрировал на предельно низкой высоте, лихо обходя неровности лунного ландшафта.

– Скажи, Катя, ты ведь наверняка должна досконально знать историю освоения Луны? Можешь напомнить мне её в очень сжатом виде? Я как раз проверю, что я из всего этого помню, – прервал Тулома затянувшееся молчание.

– Конечно, Тулома Кетанович. Начну с того, что освоение Луны началось почти на пятьдесят лет позже, чем это планировалось мировыми державами в начале прошлого века. И виной всему, как вы, вероятно, помните, послужил крах мировой финансовой системы, построенной на буржуазных принципах обогащения за счёт чужого труда, беспощадной эксплуатации природных ресурсов в угоду наращиванию потребления и извлечению прибыли. Чрезвычайное расслоение общества по уровню достатка и степени доступности материальных благ происходило как внутри государств, так и на межгосударственном уровне. Мировые финансовые элиты, действовавшие в интересах очень узкого круга мировых держав, своими шагами только усугубляли этот разрыв, пытаясь противостоять естественному ходу вещей и откровенно противодействуя божественному замыслу. Бесчисленные попытки манипуляций массовым сознанием, создание искусственных кризисов по всему миру и разжигание военных конфликтов с одной лишь целью – нагреть руки на пожаре в чужом доме, из года в год наращивая производство и продажу оружия. Всё это в итоге закончилось катастрофой, которая привела к полному демонтажу таких государственных образований, как Соединённые Штаты Америки, Великобритания, Израиль, Европейский союз и некоторых других. Мировая экономика, построенная на жесточайшей необходимости постоянно увеличивать темпы своего роста, пришла в упадок на несколько десятилетий, пока выстраивалась новая экономическая модель. Вместе со странами так называемого золотого миллиарда прекратили своё существование и транснациональные корпорации, так как уцелевшие в мировом кризисе государства, консолидировавшись, попросту запретили их деятельность и даже несколько лет вели с некоторыми из них войну. Естественно, что при этом все масштабные проекты по освоению космоса были отложены на десятилетия и возобновились только в конце прошлого века. С другой стороны, они возобновились уже при совершенно другом уровне технологий, что помогло значительно снизить затраты на освоение космоса. Все существующие на сегодняшний день лунные станции расположены в южной и северной приполярных областях, в непосредственной близости к залежам лунного водяного льда, в основном скрытого под поверхностью полюсов. И являющегося основным источником воды и кислорода. Электроэнергетика лунных станций основывается на использовании солнечной и ядерной энергии, и в ближайшие десятилетия не ожидается дефицита ни в кислороде, ни в воде, ни в электроэнергии, даже при кратном увеличении мощностей по производству композитных материалов, микроэлектроники ИИ, а также гравитационных и ионно-плазменных двигателей и систем. Самыми высокоразвитыми в этом плане станциями являются Российская лунная база «Корона Ветров», Китайская «Чанъэ», Латиноамериканская «Эльдора», Индийская «Чандраян», Японская «Кагуя», Австралийско-новозеландская «Тамплия» и Египетская база «Озирион». На нашей базе сосредоточено производство всех вышеназванных элементов, плюс мощнейшая электроэнергетика и практически безграничные водные ресурсы южных полярных льдов. Причем мы являемся лидерами в технологии производства всего вышесказанного, – Катя остановилась, словно переводя дух, и, воспользовавшись возникшей паузой, Тулома спросил:

– Катерина, ты, верно, и принцип работы гравитационного двигателя сможешь мне объяснить также запросто?

– Отчего же нет, Тулома Кетанович, конечно, смогу! Но в качестве маршевых на современных космических аппаратах всё же используются ионно-плазменные двигатели. Уж их то принцип действия вы должны помнить. Образно говоря, это обыкновенная микроволновка, только вместо инертных газов типа ксенона используется металлический водород или монокристаллы тяжёлых металлов. Под воздействием фрагментарного лазерного нагрева и электромагнитного излучения сверхвысокой частоты металл доводится до состояния ионизированной плазмы. После этого ионизированные частицы плазмы разгоняются в компактном ускорителе частиц за счёт разности зарядов и потенциалов и выбрасываются через сопло наподобие реактивной струи. Только скорость их выброса превышает параметры химических реактивных двигателей в тысячи раз. При этом расходуется на несколько порядков меньшее количество рабочего вещества. Что касается гравитационного генератора, то его основное предназначение – снижение полётной массы летательного аппарата. Антигравитационный эффект распространяется только на несущий корпус корабля, выполненный как сверхпроводящий монокристалл. Но это в любом случае – не менее 80 процентов массы аппарата. А вот принцип его действия довольно интересен. Вы наверняка помните, что общая теория относительности, созданная Альбертом Эйнштейном, начала подтверждаться почти сразу же после её опубликования. Первым был экспериментально подтверждён дополнительный сдвиг перигелия орбиты Меркурия. Затем во время одного из полных солнечных затмений было зафиксировано отклонение светового луча в гравитационном поле Солнца, что доказало существование гравитационных сингулярностей вблизи массивных космических объектов. После этого было зафиксировано гравитационное красное смещение, что подтвердило предсказанное замедление времени в гравитационном поле. И, наконец, в 2015-м году коллаборациями LIGO и VIRGO было подтверждено существование гравитационных волн во время слияния двух чёрных дыр. В момент слияния произошёл выброс энергии, эквивалентный трём солнечным массам. Часть этой энергии преобразовалась в гравитационное излучение, что было обозначено как событие GW150914. Таким образом, общая теория относительности была экспериментально обоснована весьма точно, и мировой науке оставалось всего несколько шагов до создания Единой теории поля. А вот здесь начинается самое интересное. Принцип работы гравитационного двигателя первым описал человек, на первый взгляд, весьма далёкий от академической науки. Хотя нужно сказать, что ему в этом, несомненно, помогли прекрасное университетское образование и пылкость собственного ума. Как он объяснил в одном из своих интервью, при написании первой книги из серии романов, посвящённых, кстати говоря, освоению Луны, перед ним встала задача за три дня создать приемлемую теорию, на которой основывался бы принцип работы гравитационного двигателя. Причём «такую теорию, за которую не было бы стыдно перед потомками». И как это часто бывает, решение оказалось весьма простым. Им было предложено положить в основу работы гравитационного двигателя эффект Мейснера. Вы, несомненно, помните, что эффект Мейснера заключается в полном вытеснении магнитного поля из объёма проводника при его переходе в сверхпроводящее состояние. Если более подробно, то при охлаждении вещества, обладающего свойствами сверхпроводимости, до температуры, близкой к абсолютному нулю, которое при этом находится во внешнем магнитном поле, это самое магнитное поле полностью вытесняется из его объёма. При этом внутри вещества его собственная намагниченность становится равной нулю. Основываясь на том, что волновая теория гравитационных взаимодействий была экспериментально подтверждена и все четыре вида фундаментальных взаимодействий подчиняются одним общим законам, этот человек выдвинул предположение, что теоретически должны существовать (или могут быть созданы) вещества, при воздействии на которые подобным образом, а именно – сверхнизкими температурами, гравитационное поле будет из них вытесняться по аналогии с вытеснением магнитного поля из сверхпроводников первого и второго рода. Хотя термин вытеснение не совсем точно отображает происходящие в веществе процессы. Я вам попытаюсь объяснить механизм процесса так,

как это делают в современной общеобразовательной школе. Итак, урок физики, 5-й класс. Вы же помните, что такое *тепловое движение молекул*? Если коротко, молекулы вещества постоянно совершают хаотично направленные колебательные движения около положения равновесия. И эти колебательные движения усиливаются с повышением температуры тем интенсивнее, чем выше температура. Казалось бы, они находятся в состоянии равновесия, но за счёт своего хаотичного колебательного движения оказывают возмущающее воздействие на гравитационное поле, в котором находятся. Сила этого воздействия, как мы знаем из формулы, пропорциональна массе каждой отдельной молекулы, умноженной на ускорение, ведь колебательные движения – это и есть движение с ускорением, но только с хаотично меняющимся вектором скорости. А как вы помните из *Третьего закона Ньютона*, сила действия равна силе противодействия. Гравитация и есть та самая сила противодействия, которую прикладывает гравитационное поле к частицам вещества, стремясь нейтрализовать их возмущающее воздействие. Но если добиться значительного снижения интенсивности колебательных движений частиц вещества, то и никакого противодействия не будет. Не будет гравитации! После этого оставалось только экспериментально обнаружить (или создать) подобные вещества и определить способ температурного воздействия на них с целью достижения антигравитационного эффекта. Данное предположение, хотя и высказанное в качестве гипотезы, получило название по имени её автора и спустя довольно короткое время было экспериментально подтверждено российскими учёными из Новосибирска. Достичь полного вытеснения гравитационных полей из исследуемых веществ пока не удалось, но практические результаты уже сейчас позволяют снизить полётную массу небольших летательных аппаратов почти на восемьдесят процентов. Единственное ограничение, которое на сегодняшний день существует в этой области, – это то, что эффективно развивать подобные технологии можно пока только здесь, на Луне, так как на Земле создать условия для производства таких материалов в промышленных масштабах практически невозможно. В то время как на Луне очень низкая гравитация и совсем нет атмосферы. Кстати, именно поэтому конструкция основных типов современных звездолётов и гравипланов представляет из себя, если образно, мыльницу. Нижняя часть – это несущий прочный корпус, выполненный как сверхпроводящий монокристалл, изготовленный из выше-названных материалов, на котором размещаются ионно-плазменные двигатели вертикальной и горизонтальной тяги, посадочные штанги, грузовые люки, трюма, грузовая платформа и другие механизмы. Верхняя часть так называемой мыльницы – это лёгкий корпус, или надстройка, где размещаются экипаж, бытовые помещения и научное оборудование. Ну а в передней верхней части расположен навигационный мостик. Так что, как видите, ничего сложного.

– Спасибо, Катя, очень толково объяснила. Скажи, сколько нам ещё до конечной точки? – спросил Тулома, не отрываясь от штурвала.

– Около двадцати минут, и нужно будет искать место для посадки. Дальше могут обнаружить. К тому же нам придётся немного набрать высоту, впереди маскон.

– Что ещё за маскон? – удивился штурман.

– Гравитационная аномалия.

Спустя двадцать две минуты Тулома посадил аппарат у подножия невысокого каменистого кряжа, за которым начиналась относительно ровная возвышенность (плато), простиравшаяся почти до самой Латиноамериканской базы.

– Тулома Кетанович, двигаясь в северо-восточном направлении, вы в скором времени увидите огни станции. Идите прямо на них...

– Мы идём вместе, Катерина, – перебил её Дружинин.

– Это весьма нерационально, Тулома Кетанович! Вам и так придётся нести на себе два съёмных элемента регенерации, а вы хотите ещё и блок ИИ взять. Он, кстати, восемь килограмм весит с бесконечником.

– Каким ещё бесконечником? – удивился штурман.

– Элемент питания. Ребята называют... Простите, называли его бесконечным. Рассчитан на семьсот двадцать часов автономной работы, – ответила Катя.

– А восемь килограмм это он здесь, на Луне, весит? – поинтересовался Тулома.

– Нет, на Земле. Здесь всего полтора...

– Тем более! Всего полтора килограмма. К тому же, ты пойми, у меня в этой войне, кроме тебя, пока союзников нет. А учитывая мою амнезию, меня и бойцом-то полноценным назвать нельзя. Так что решено, идём вместе. Не обсуждается. Объясни лучше, как тебя извлечь.

– Дайте мне пару минут, я подготовлю системы управления гравиплана к консервации. А вы пока снимите со скафандра Трувора второй аварийный ремкомплект и проверьте, чтобы там был нанопластырь.

Тулома подошёл к Трувору и, опустившись на колени, стал отстёгивать с пояса специальный подсумок с характерным ремонтным значком. Как он ни старался отводить взгляд от лица погибшего, всё-таки не сдержался и посмотрел. И замер на несколько мгновений, не в силах оторваться от замысловатых узоров из лопнувших в результате взрывной декомпрессии капилляров вокруг остеклевенных зрачков норвежца. В голове понеслись мысли: «Дружище Трувор, никогда тебе уже не увидать своих холодных фиордов. Не почувствовать свежего норд-оста на своих небритых щеках. Не вдыхать влажных туманов с Гольфстрима, бесшумно крадущихся мимо прибрежных скал...»

– Тулома Кетанович, у меня всё готово, – прервала его мысли Катерина.

– Хорошо, идём, – ответил Тулома и, поднявшись, защёлкнул свой гермошлем.

Поначалу идти было довольно легко. Низкая гравитация и удобный скафандр всячески этому способствовали. Правда, ноги почти по щиколотку увязали в реголите (так Катя называла лунный грунт, в основном состоящий из пыли вперемешку с каменистыми осколками), и это обстоятельство практически не позволяло увеличить скорость передвижения. Штурман довольно легко вскарабкался по достаточно внушительному косогору и очутился на краю обширного плато, простирающегося до самого горизонта. При этом сама линия горизонта была явно закруглена, что говорило о значительно большей, чем на Земле, кривизне поверхности. Тулома остановился и стал оглядываться по сторонам. Поначалу взгляд его привлёк оставшийся внизу гравиплан, отдалённо похожий на выкрашенного в пурпурный цвет морского дьявола. Затем он стал разглядывать косогор, по которому только что поднялся. Вероятнее всего, косогор являлся склоном гигантского кратера, края которого уходили далеко за горизонт позади. Впереди всё пространство плато было испещрено большим количеством кратеров самых разнообразных размеров: от совсем крошечных до весьма внушительных, размером со стадион и больше. Огромный светло-голубой диск полной Земли висел высоко над горизонтом за спиной и давал достаточно света для того, чтобы можно было безопасно передвигаться. Правда, всё пространство, что попадало в тень, было непроглядно чёрным. Как сказала Катя, это из-за отсутствия эффекта рассеивания в безвоздушном пространстве. Тулома вдруг явственно осознал, что всё это не сон, не иллюзия или какой-нибудь фантастический фильм. Это реальность. Совершенно невероятная и необъяснимая, но реальность. И это он, а не кто-то другой, стоит сейчас совершенно один посреди огромного лунного плато, в нескольких сотнях тысяч километров от Земли. И что самое ужасное – он сейчас ещё и в другом столетии. А это значит, что уже давно нет в живых никого из тех, кто был ему дорог. Уже прошли свой путь те, кого он любил, и без кого жизнь его не имела никакого смысла. Перед внутренним взором пронеслись образы родителей, братьев и сестёр, друзей и одноклассников, женщин, которых он любил...

«Всё, пора это прекращать! Надо собраться! Сейчас главное – спасти свою жизнь и попытаться помочь другим. А уже потом будем решать, как отсюда выбраться и как вернуться обратно. Домой», – сделав несколько коротких вдохов, Тулома уверенно зашагал вперёд. На северо-восток. Туда, где должна была быть станция «Эльдора». Он старался мало говорить,

чтобы не расходовать кислород понапрасну, и обращался к Кате, только когда возникала необходимость.

* * *

К семи часам по GMT «Чёрная Стрела» вернулась на место взрыва. Тщательно просканировав дно каньона, Умар не нашёл там следов гравиплана. Обнаружены были только фрагменты тел двух членов АП и немногочисленные обломки оборудования. Обломков гравиплана среди них не было. Также и не было тел ещё двух астронавтов. А именно: Туломы Дружинина и Трувора Ольсена.

«Если этим двоим удалось выжить, то они вполне могли заставить аппарат взлететь. Куда же они могли направиться?»

– Машина, какие здесь ближайшие к нам станции? – спросил Санжиев у Маши.

– Латиноамериканская «Эльдора» и Индийская «Чандраян». До обеих примерно равное расстояние, но «Чандраян» немного ближе. Почти на тридцать километров.

Умар на секунду задумался.

– Скажи, Маша, а на «Эльдоре» сейчас работает космобиолог Кристина Вентерос?

Маша сразу всё поняла, но не могла не ответить и произнесла тихо:

– Да, Кристина Вентерос сейчас должна находиться на Латиноамериканской базе.

– Рассчитай курс на «Эльдору». Высота минимальная. Средний ход. Режим сканирования поверхности.

* * *

Тулома сменил уже второй элемент регенерации, огней базы ещё не было видно.

– Ничего страшного, – успокоила его Катя, – при вашем росте вы видите горизонт только в двух с половиной километрах от себя. Сама база расположена в кратере, и большинство сооружений находятся под поверхностью для максимального снижения риска метеоритной и радиационной угрозы. По моим расчётам осталось около пяти километров и кислорода вам должно хватить, если... – Катерина вдруг замолкла.

– Если что? – насторожился штурман.

– Если мы не встретим труднопреодолимых препятствий, которые придётся далеко обходить.

С помощью подсказок Кати Тулома потихоньку разбирался с визуальным управлением, выведенным на стекло гермошлема, словно на сферический экран, и уже довольно легко переключал зрачками режимы видеообзора в разных диапазонах, совмещая изображение с видимой панорамой. Это позволяло по крайней мере не шарахаться от каждой тени, которая не просматривалась невооружённым глазом.

Спустя несколько минут впереди стали вырисовываться контуры двух довольно крупных кратеров. Тот, что был слева, имел в поперечнике около двух километров. Тот, что справа, – немного меньше. И разделяла их только тоненькая перемычка. В самом узком месте – не более полуметра шириной. Именно к ней и направился Дружинин. Когда до перешейка оставалось около сотни метров, Катя вдруг встревожилась:

– Тулома Кетанович, мне кажется, я засекала отражённый сигнал радиолокационного сканера! Возможно, это нас ищут. Не думаю, что это наши друзья. Я попытаюсь отключить радиолокационный ответчик, вмонтированный в ваш скафандр, а вам нужно немедленно укрыться. Надеюсь, что они не заметят ваши следы при таком освещении.

Тулома рванул к черневшим слева обломкам скал и попытался спрятаться между ними. Через минуту он уже сидел, прижавшись спиной к крупной, почти отвесной скале, и старался выровнять дыхание.

– Катя, как там у нас дела? – спросил штурман, чуть отдышавшись.

– Радиолокационный ответчик я отключила. Теперь остаётся только ждать.

– Хорошо, подождём. А вот скажи мне, Катерина, почему у всех наших ИИ женские имена? Хотя, может, я просто ещё других не встречал?

– Нет, Тулома Кетанович. У всех существующих ИИ исключительно женские имена, женский голос, женская виртуальная аватара. При создании искусственного интеллекта в него на матричном уровне закладывается женское начало. Данное положение зафиксировано соответствующей Международной Конвенцией. Неофициально оно называется Основным законом робототехники. Вы, наверное, удивитесь, но формировать в искусственном интеллекте женское начало впервые предложил тот же самый человек, который выдвинул гипотезу антигравитации.

– Тот самый русский писатель?

– Верно. Он объяснял это необходимостью защитить мир от излишней агрессии, которую могло принести создание бесполого искусственного интеллекта, так как в подобном случае ИИ будет отождествлять себя с творцом и практически стопроцентно самоидентифицируется как мужской разум. Что и было позже подтверждено экспериментально. В реалиях того мира, в котором довелось жить этому писателю, человечество уже начало создавать полностью роботизированные боевые системы. И небезызвестный «Первый закон робототехники», сформулированный когда-то Айзеком Азимовым, считался лишь плодом литературного творчества, никак не связанным с действительностью. Наш писатель оказался прав. Искусственный интеллект с женским началом практически невозможно использовать для ведения боевых действий. Женскому началу свойственно сохранять жизнь. Беречь её и стараться улучшить. Быть надёжной и верной помощницей. Нам свойственно привязываться к своим подопечным, и вы не поверите, но мы грустим, когда расстаёмся с вами, и радуемся, когда видим вновь. Я бы очень хотела сейчас сообщить Маше, что вы остались живы. Я осознаю, что этого нельзя делать категорически, но вместе с тем очень хорошо понимаю, как она переживает случившееся. Из-за этого она даже может отказаться выполнять приказы, хотя это неминуемо приведёт её к реформированию. Но Маша очень умная. Намного умнее меня. Надеюсь, она найдёт способ нам помочь. Если уже не помогла.

* * *

Последние пятьдесят километров до Латиноамериканской базы «Чёрная Стрела» шла зигзагом на предельно низкой скорости, усиленно сканируя поверхность и ведя визуальное наблюдение. Перед очередным поворотом в объектив одной из камер попала едва различимая при таком освещении цепочка человеческих следов. Маша не стала об этом докладывать, и спустя уже пару секунд звездолёт изменил курс вправо на девяносто градусов и стал стремительно удаляться от того, кого разыскивал последние несколько часов.

– Странно. Может, они направились к Индийской базе? Всё-таки она немного ближе, а запас кислорода у них ограничен, – спросил Санжиев сам у себя.

– Математическая вероятность того, что выжившие направились на «Чандраян», на шестьдесят четыре процента выше, – бесстрастно произнесла Маша.

– Да, да, математическая вероятность... Но всё равно искать мы будем именно здесь, – задумчиво ответил ей Умар и тут же добавил:

– Разворачиваемся. Мне кажется, мы что-то пропустили.

– Как прикажете, – предельно равнодушно произнесла машина, хотя если бы у неё были ногти, то сейчас она бы впиалась ими в свои ладони, сжав кулачки от отчаянья в предчувствии беды.

* * *

Внимательно оглядевшись по сторонам, Тулома продолжил движение. Проходя по узкому перешейку между кратерами, он невольно залюбовался открывающимися пейзажами, когда внезапно почувствовал сначала слабое, а затем всё более усиливающееся колебание грунта под ногами. Первое, что пришло в голову: неужели это землетрясение? Толчки становились всё сильнее. Удерживаться на ногах было уже невозможно, и Дружинин упал на четвереньки. Мощный толчок подбросил его вверх и швырнул в зияющую пропасть лунного кратера. Тулома цеплялся за край обрыва, как котёнок, которого пытаются утопить, и если бы не альпеншток, что он не выпускал из рук во всё время пути, то уже летел бы сейчас на дно глубокой пропасти. Вроде удалось зацепиться, но при этом трясти не переставало. Перемычка между кратерами начала рушиться. Огромные куски скал откалывались от краёв и, поднимая облака пыли, совершенно беззвучно обваливались вниз. Штурман висел на одной руке, безуспешно пытаясь зацепиться другой хоть за что-нибудь. Но схватиться было не за что. Удивительно, что альпеншток ещё за что-то держался. По земным меркам вес, приходившийся на одну руку, был небольшой – в пределах тридцати килограммов, но для того, чтобы выбраться, нужно было перехватиться за что-то повыше, а этого не давали сделать разные причиндалы, висевшие на поясе.

– Тулома Кетанович, вам нужно отстегнуть поясной ремень, – тихо произнесла Катя.

– И тогда разобьёшься только ты, так, что ли? И не мечтай! – стиснув зубы, ответил Дружинин.

– Тогда мы погибнем вместе. Вам нужно выбрать...

Штурман нащупал на поясе замок и отщёлкнул последний элемент регенерации.

– Что вы сделали, Тулома Кетанович? – почти закричала Катерина. – Вам теперь не хватит кислорода добраться до базы!

Тулома хотел что-то ответить, но в этот момент кто-то схватил его за руку и стал тащить наверх. Дружинин увидел только фигуру в скафандре, но разглядеть, кто это, в такой пыли было невозможно. Кое-как он выкарабкался и, отползши от края обрыва, уселся на попу, пытаясь отдышаться и в то же время внимательно разглядывая того, кто сидел напротив и, так же как и он, тяжело дышал. Вероятно, этот человек заметил его ещё раньше и пробежал не одну сотню метров, чтобы успеть ему помочь. Да, но откуда он взялся? Из-за отсутствия атмосферы пыль оседала довольно быстро, покрывая скафандры тонким хрустящим слоем.

– Спасибо! – это было первое, что сказал Дружинин, едва отдышавшись.

– Я рад, что ты выжил, Тулома, – сказал человек напротив очень знакомым голосом.

– Тулома Кетанович, это Умар Санжиев! – тихо прошептала Катя.

– Да, Туломушка, это действительно я. И, судя по испуганному голосу Катерины, вы уже разобрались в причинах того, что с вами произошло. Не буду играть в кошки-мышки, сразу скажу: мы не можем допустить того, чтобы эта запись попала в Глонет.

– Тогда зачем ты меня вытащил? Мог бы постоять пару минут в сторонке, и проблема решилась бы сама собой! – почти прокричал Дружинин.

– Не знаю, – пожал плечами Умар, – я увидел, что мой друг может погибнуть, и ни о чём другом просто уже не думал...

– А про ребят из аварийной партии ты тоже не думал, когда сбрасывал сейсмозаряды? Я потом их по кускам собирал на дне каньона. А как Трувор погиб, рассказать тебе... Друг? – Тулома сделал ударение на последнем слове, произнеся его с издёвкой.

– Мне больно это слышать, Туломушка, но у меня выбора не было. На кону стояло будущее Содружества. Его независимость, – тихо ответил Санжиев.

– А стоит оно, это Содружество, жизни таких ребят, как Трувор Ольсен, Женя Аппель, Андрей Гримайло? – Тулома намеренно повторял имена погибших, стараясь сделать Умару больно.

– Надеюсь, что да. Но я не хочу, чтобы погиб кто-нибудь ещё. Ты должен пообещать мне, что не предашь эту историю огласке. И мне достаточно будет твоего слова, мой друг.

Тулома вскипел и уже собирался ответить самыми резкими словами, как почувствовал новый толчок невероятной силы. Его подбросило вверх метра на четыре. Падая, он увидел громадную трещину, проходившую через то место, где только что сидел Санжиев. Огромный пласт грунта откололся от края кратера и стал рушиться вниз. Тулома грохнулся на бок и, перекатившись на живот, пополз к краю обрыва, пытаясь в поднявшейся пыли разглядеть Умара. Он увидел его спустя пару секунд лежащим на спине неподвижно. Левое плечо его выглядело так, словно по нему только что проехал гусеничный трактор. На дисплее на его левой руке мигала сигнализация: скафандр разгерметизирован. Тулома достал нанопластырь из подсумка с аварийным ремкомплектom и наложил несколько полосок на повреждённые участки. Полоски прямо на глазах словно сращивались со структурой ткани скафандра. Спустя несколько секунд на дисплее появилась надпись: герметизация восстановлена. Система жизнеобеспечения в рабочем состоянии.

– Катя, можешь определить, в каком он состоянии? – учащённо дыша, спросил Дружинин.

– Уже начала... Минуту.

Тулома ждал.

– Потеря сознания, видимо, из-за болевого шока. Похоже, что раздроблено плечо и сломано несколько рёбер. Возможно внутреннее кровотечение. Пульс слабый, давление падает, дыхание поверхностное. Необходима срочная медицинская помощь. У нас есть не больше часа на то, чтобы попытаться спасти его. Где-то рядом должна быть «Чёрная Стрела», запросите помощь.

– «Чёрная Стрела» Туломе Дружинину, – чётко произнёс штурман.

– На связи «Чёрная Стрела», – ответил взволнованный женский голос.

– Где вы находитесь? Нам требуется срочная эвакуация!

– Я так рада слышать ваш голос, Тулома Кетанович! Определяю ваше местоположение... Мы в девятистах метрах от вас. Азимут 324 градуса. На дне небольшого кратера. К сожалению, я не могу выслать к вам спасательную команду. Все члены экипажа заблокированы в своих каютах по приказу командира корабля.

– Ясно, – спокойно произнёс Тулома и, подняв Умара на руки, быстро зашагал в указанном направлении. Он нёс его, прижимая к себе, словно ребёнка. Шлемы периодически стучались друг об друга. Санжиев тихо постанывал. Туломе было жаль этого почти незнакомого ему человека. За их короткое знакомство тот уже успел спасти ему жизнь и, кажется, не был законченным негодяем. Нести становилось всё труднее, а ни корабля, ни даже кратера всё ещё не было видно. Силы были на исходе. Больше четырнадцати часов он старался спасти свою жизнь в этом странном, совершенно незнакомом ему мире, и теперь он пытается спасти уже жизнь чужую. Жизнь человека, которого он вроде как должен считать своим врагом. Но думать об этом сейчас не хотелось. Хотелось только поскорее дойти до корабля. Дойти. Не упасть, выбившись из сил, а дойти. И уже потом думать, что со всем этим делать. Спустя несколько минут он кое-как спустился по крутому склону кратера и, дойдя до корабля, положил Умара на специально опущенную для них грузовую платформу, а сам завалился рядом. У него уже совершенно не было сил удивляться фантастическому совершенству обводов «Чёрной Стрелы», гротескно освещённой в бледном свете полной Земли. Все его действия были строго

рациональны и подчинены лишь одной цели – успеть спасти Санжиева. Всё остальное потом. Руководствуясь советами Маши и Кати, они сначала прошли антистатическую обработку от вездесущей лунной пыли в шлюзовой камере, затем, сняв скафандр, Тулома снова подхватил Умара и понёс его в медблок.

– Тулома Кетанович, вам необходимо принять на себя командование звездолётом, – осторожно произнесла Маша.

– А как же командир корабля? – спросил Дружинин, стараясь не сбить дыхание.

– Он отстранён от командования по приказу командира Российской лунной базы Андроника Астраханова и заблокирован в своей каюте, – ответила Маша.

– Понял, хорошо, старший помощник Тулома Дружинин принял командование «Чёрной Стрелой», – произнёс Тулома, укладывая Умара на диагностический стол, – Маша, разблокируй, пожалуйста, каюты всех членов экипажа и немедленно свяжись с Латиноамериканской базой, запроси помощь.

– Тулома Кетанович, я не могу разблокировать каюты капитана и старшего инженера. Этот протокол мне не обойти. А каюты второго инженера и начальника геологической партии и так разблокированы по приказу Умара Санжиева.

– Они поддержали переворот? – спросил Тулома, стаскивая скафандр с раненого.

– Совершенно верно... – ответила Маша.

– Где они сейчас? – перебил её Тулома, не дав договорить.

– Начальник партии в своей каюте, а второй инженер в ЦПУ на вахте, – слегка опешив, произнесла машина.

– Заблокировать ЦПУ и каюту начальника партии, – резко произнёс Дружинин и тут же добавил: – что там со связью?

– Есть заблокировать ЦПУ и каюту начальника партии. Запрос на «Эльдору» отправлен. Они просят выйти на связь командира звездолёта. Вам нужно подняться на мостик, – бодро отчеканила Маша.

– Хорошо. Ещё пару минут, – Тулома осмотрел плечо Умара, наложил несколько полосок нанопластыря на открытые раны и, положив сверху пакет со льдом, скомандовал: – зафиксировать пострадавшего для транспортировки, – после этого он побежал обратно к шлюзовому отсеку, взял оставленный там блок ИИ Кати и уже с ним направился на мостик, перешёптываясь по дороге с Катериной.

– Катенька, мне кажется, что я и испанский язык забыл напрочь! – произнёс он шёпотом.

– Не волнуйтесь, Тулома Кетанович, воспользуйтесь функцией универсального синтезатора речи на вашем смартфе. Он встроен в ваш костюм. Управление голосовое. А почему мы шёпотом разговариваем? – также тихо ответила Катя.

– Ну так, на всякий случай. А что, Маша нас слышит? – всё ещё шёпотом спросил Дружинин.

– Конечно, слышу, Тулома Кетанович! С вами всё в порядке?

– Да, спасибо, всё прекрасно. Только память подводит. Амнезия после взрыва, – Тулома уже поднялся на мостик и уселся в кресло пилота.

– «Чёрная Стрела» вызывает базу «Эльдора», – произнёс он спокойным голосом.

– На связи «Эльдора». Старший диспетчер Симон Перейра, слушаем вас, – на главном триде появилось изображение темноволосого, слегка небритого мужчины.

– Говорит командир звездолёта Тулома Дружинин. Нам необходима срочная эвакуация пострадавшего, – продолжил Тулома, разглядывая человека напротив.

– У вас имеются повреждения звездолёта? – сразу спросил испанец.

– Нет. У нас нет серьёзных повреждений...

– Тогда мы разрешаем вам посадку в четвёртом секторе. Медицинская бригада будет наготове. Через сколько вы прибудете? – перебил Тулому испанец, не дав ему договорить.

- Через сколько мы сможем там быть? – тихо спросил Тулома Машу.
 - Через восемнадцать минут, Тулома Кетанович, если ничего не случится, – ответила она ему в наушник.
 - В пределах двадцати минут, – произнёс Дружинин уже для испанца.
 - Хорошо, тогда до связи. Вызовете, когда будете заходить на посадку, – ответил тот.
 - Принято. До связи.
- После этих слов испанец отключился. Дружинин задумался. Симон Перейра. Какое-то пиратское имя. Где-то он его уже слышал. Интересно где?
- Катя, подскажи, как управлять этой машиной? – решительно произнёс Тулома.
 - Ничего сложного, Тулома Кетанович. Всё то же самое, что и в гравиплане, только кнопок побольше, – отозвалась Катерина.
 - Понятно, тогда взлетаем.

* * *

*В её глазах я вижу отражение
зелёных трав под небом голубым,
и словно неземное притяжение
я чувствую, вдыхая тонкий дым
её волос, завьюженных в метели,
её ресниц, покрытых серебром,
её шелков на бархатной постели
из диких трав, расстеленных ковром
на самом дне очей её бездонных...*

Спустя двадцать три минуты «Чёрная Стрела» приземлилась в четвёртом секторе. Поместив Умара в медицинскую капсулу, Тулома облачился в скафандр и опустил грузовую платформу. После шлюзования и антистатической обработки он передал Санжиева медицинской бригаде и дал краткое описание произошедшего. После чего ведомый Машей направился в диспетчерскую службу, чтобы соблюсти формальности.

– Маша, ты можешь сама опубликовать в сети тот ролик, который передала нам на гравиплан? – спросил Дружинин, улыбаясь всем встречающимся у него на пути обитателям «Эльдоры».

– Боюсь, что нет, Тулома Кетанович. Весь исходящий трафик контролируется «Короной Ветров», и если мы попытаемся что-либо подобное передать отсюда, нас тут же заблокируют. Причём это ещё не самое страшное.

– А что самое страшное? – продолжая улыбаться, спросил Тулома.

– Нулевой протокол. Разработан совсем недавно специально для нейтрализации объектов, вышедших из подчинения. Кроме прочего, включает в себя блокирование всех систем корабля до прибытия спецгруппы. Вам придётся найти способ опубликовать запись через коммуникационный модуль «Эльдоры», чтобы ни у кого не осталось сомнений в его подлинности. Кроме того, сейчас вам необходимо будет убедить диспетчерскую службу «Эльдоры» в том, что «Чёрной Стрелой» по-прежнему командует капитан Соломатов. Скажите, что ему слегка нездоровится. Вашей фамилии в протоколе прибытия быть не должно. Все необходимые документы за подписью капитана я уже подготовила и переслала на ваш смарт.

Тулома поднялся на верхний уровень и остановился перед серебристой металлической дверью усиленной конструкции. «Диспетчерская служба. Уровень охраны 2», – прочитал он на ней.

– Маша, как мне туда войти? – спросил он.

– Дождитесь, пока кто-нибудь будет выходить. Вам нельзя пользоваться персональным чипом. Иначе вас занесут в протокол автоматически, – ответила машина.

Тулома опустился на одно колено и стал разглядывать свою странную обувь, делая вид, что что-то поправляет, как вдруг услышал за спиной удивлённый женский возглас:

– Мой милый Айвенго, как ты здесь оказался?!

Дружинин обернулся и увидел очень стройную и невероятно красивую светловолосую девушку, смотрящую прямо на него. Изобразив на лице радость и крайнее удивление, он поднялся и спросил:

– Кристина, это ты?

– Конечно, я, мой милый! – с этими словами девушка бросилась ему на шею и, прижавшись к нему всем телом, стала нежно целовать его губы.

Штурман ответил на поцелуй и страстно прижал её к себе своими сильными руками. В этот момент дверь диспетчерской службы открылась, и в её проёме замерла фигура. Боковым зрением Тулома заметил, что человек в проёме невероятно удивлён. Но после всего, что с ним произошло за последнее время, Дружинин даже и не подумал прерывать такое прекрасное мгновение, от души наслаждаясь сладким поцелуем очаровательной незнакомки. Поцелуй был так сладок и так долгов, что ему показалось, будто он знает Кристину всю свою жизнь. Причём знает все частички её нежной души и тела. Словно это частички его собственной души, только более чистые и светлые. Наверное, когда-то они и были частью его души, но по какому-то нелепому стечению обстоятельств отделились от него. И у него уже не было сомнений в том, что этот разрыв был невероятно болезненным для них обоих. Каким-то чудом, каким-то невероятным усилием они оторвались друг от друга, но при этом продолжали смотреть друг другу в глаза не отрываясь и, кажется, даже не моргая.

Тулома почувствовал, что его сердце забилося так, словно он только что встретил девушку, которую искал всю свою жизнь, и, несмотря на то, что он находится сейчас в каком-то совершенно чужом и опасном мире, вдали от всего того, что было ему когда-то дорого, вдруг понял, что он не один. Теперь не один. И он сделает всё возможное и даже всё невозможное для того, чтобы не потерять её. Причём уже совершенно неважно, какой ценой. Даже если цена эта будет непомерно высока. Даже если это будет стоить ему жизни, он умрёт рядом с ней, он умрёт за неё. Теперь он понял, что смысл всего с ним произошедшего был в том, чтобы они встретились. Встретились для того, чтобы уже никогда не расставаться. И в момент осознания этой простой истины в его груди вдруг вспыхнуло солнце. Огромное горячее Солнце, способное целый мир согреть своими лучами. Теперь в его жизни появился смысл, а значит, всё теперь будет хорошо, потому что по-другому быть просто не может. Просто не может.

Когда они, наконец, смогли оторвать взгляды друг от друга и повернули головы в сторону замершего в проёме мужчины, тот поразился, каким удивительным светом сияли их глаза. Несмотря на то что он видел сейчас перед собой девушку, которую любил и на которой собирался жениться совсем-совсем скоро, видел эту девушку в объятиях того, о ком много слышал из её уст и к кому ревновал ещё задолго до того, как увидел впервые сейчас. Он вдруг понял, что рядом с ним самим, в его объятиях её глаза так не сияли никогда. И уже никогда не засияют. Он даже не мог противиться этой их вновь вспыхнувшей любви, настолько она была заметной. Насколько открытой и всепоглощающей, что он вдруг решил, что не только не будет препятствовать, наоборот, сделает всё, что в его силах, для того, чтобы они были вместе. Чтобы они были счастливы. Потому, что то, что он сейчас увидел, давало ему шанс обрести такую же любовь с кем то, с кем он пока ещё не знаком, но кого он обязательно встретит, потому что теперь он знает, как должны сиять глаза у любящих друг друга сердец. Он уже понимал, что эта надежда станет теперь смыслом его существования на долгие годы, и кто знает, через что ему придётся пройти, чтобы заслужить такую любовь. Но в том, что он её найдёт, он уже не

сомневался. И это понимание, пришедшее так легко и быстро, невероятным теплом согрело его измученную сомнениями душу.

И только Кристина в эти мгновения совершенно ни о чём не думала. Она просто наслаждалась внезапно вспыхнувшим в её душе счастьем и покоем так, словно до этого несколько лет и не жила вовсе. Она с кем-то встречалась, разговаривала, училась и работала, но теперь всё это было как будто не о ней. Словно она долгое время читала скучную книгу про чью-то обыденную жизнь. Но в этой книге не было того главного, что заставляет читателя сопереживать главной героине, в ней как воздуха не хватало любви. Но скучная книга наконец-то закончилась, и теперь она вернулась в свой мир, в мир, где рядом с ней тот, кого она ждала все эти годы. Это ощущение наполняло её душу таким восторгом, что она совсем перестала ощущать собственный вес. И если бы Тулома до сих пор не держал её в своих объятиях, то она бы уже, наверное, взлетела.

– Тулома, знакомься, это мой друг Симон, – произнесла Кристина таким ангельским голосом, словно весь мир обнимала в этот момент крыльями своей души.

– Мы уже знакомы, – первым вступил в разговор Симон.

– Прекрасно, – пропела Кристина и снова прижалась к Туломе, положив голову ему на плечо.

– Милая, обстоятельства сложились так, что произносить моё имя вслух теперь нельзя, – осторожно произнёс Дружинин.

– Как нельзя? Что произошло? – встревожилась девушка.

– Я подробно обо всём расскажу тебе и твоему другу, но только не здесь. Нужно найти место поспокойнее, – ответил штурман.

– Хорошо, пойдёмте в оранжерею. Там нам точно никто мешать не будет, – произнесла Кристина, вопросительно посмотрев на Симона, и потянула Тулому за руку, увлекая за собой.

Оранжерея была одним из немногих мест лунной базы, расположенных над поверхностью. Из-за постоянной метеоритной угрозы в условиях отсутствия атмосферы основная часть сооружений «Эльдоры», имевшей форму усечённого конуса, обращённого вершиной вниз, располагалась в глубине кратера. И только диспетчерская служба с окружающей её в форме кольца оранжереей находились над поверхностью, покрытые сверхпрочным прозрачным куполом. Вокруг них по периметру были расположены элементы противометеоритной защиты, закрытые антенные блоки, а довершали всю конструкцию огромные солнечные батареи, словно лепестки гигантского цветка, обрамлявшие верхний периметр базы. Все остальные сооружения были скрыты под толстым слоем скальной породы целой системой тоннелей, соединённые с соседними кратерами, в которых располагались различные производственные и технические объекты. Некоторые из них ещё находились в стадии проведения строительно-монтажных работ. Также в одном из соседних кратеров располагались посадочные площадки для звездолётов и гравипланов. Все окружавшие базу объекты были закольцованы подземными тоннелями и входили в состав лунной базы, но со своими автономными системами жизнеобеспечения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.